05(57)
С34

Сибирская летопись

1917, №№ 1-2

05(57)
С34

Годъ изданія 6-й.

Сибирская Лѣтопись

(Сибирскій архивъ).

СОДЕРЖАНІЕ:

М. П. Овчинниковъ. Изъ моихъ народовольческихъ воспоминаній (И. И. Мышкинъ).—Е. Гонсовичъ. Мелочи изъ жизни стариннаго Амурскаго духовенства.—П. Дравертъ. Объ одной забытой экспедиціи (С. Попова).—Я. Ходукинъ. Верхнеудинскій смотритель училищъ А. П. Давыдовъ, какъ работникъ по «ученой части».—А. Боголѣповъ. Изъ Булунскаго архива.—В. А. Ватинъ. Восточная Сибирь въ началѣ XIX вѣка (отчетъ губерн. Трескина).—В. А. Ватинъ. Крѣпостное право въ Енисейской губ. въ XIX вѣкѣ.—Н. Романовъ. Обѣдъ у А. В. Бѣлоголоваго.—А. Пруссакъ. Описаніе рукописей XVII—XVIII вв. Иркутскаго музея.—Замѣтки. Памяти Буцинскаго. М. А. Зензиновъ.—Библіотека Кузнецова-Красноярскаго.

№№ 1—2.

Иркутская областная
библиотека
им. И. И. Молчанова
Сибиряко

Январь—февраль 1917 года.

ИРКУТСКЪ,
Типо-литографія Окружнаго Штаба
1917.

Оглавленіе №№ 1—2.

СТРАН.

1. **М. П. Овчинниковъ.** Изъ моихъ народовольческихъ воспоминаній (И. Н. Мышкинъ) 1
2. **Е. Гонсовичъ.** Мелочи изъ жизни старинаго Амурскаго духовенства 15
3. **П. Дравертъ.** Объ одной забытой экспедиціи 20
4. **Я. Ходукинъ.** Верхнеудинскій смотритель училищъ А. П. Давыдовъ, какъ работникъ по „ученой части“ 26
5. **А. Боголѣповъ.** Изъ Булунскаго архива . 42
6. **В. А. Ватинъ.** Восточная Сибирь въ началѣ XIX в 48
7. **В. А. Ватинъ.** Крѣпостное право въ Енисейской губерніи въ XIX вѣкѣ 60
8. **Н. Романовъ.** Обѣдъ у А. В. Бѣлоголоваго 63
9. **А. Пруссакъ.** Описаніе рукописей XVII—XIII вв. Иркутскаго музея 66
10. **Замѣтки** . . . . . 76—78

Сибирская Лѣтопись.

Журналъ исторіи, археологіи, географіи, этнографіи, культуры и общественности Сибири, Средней Азіи и Дальняго Востока.

№ 69683

Годъ изданія 6-й.

№ 1—2.

Январь—февраль 1917 года.

Иркутская областная
библіотека
им. И. И. Молчанова
Сибиряков

ИРКУТСКЪ,
Типографія Окружнаго Штаба.
1917.

М. П. Овчинниковъ.

Изъ моихъ народовольческихъ воспоминаній.

VI.

И. Н. Мышкинъ.

42 года прошло съ тѣхъ поръ, какъ Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ разсказывалъ мнѣ повѣсть своей неприглядной жизни. Чѣмъ то кошмарнымъ вѣяло отъ этого разсказа; до сихъ поръ я не могу забыть ужасовъ его батальонной жизни. Когда я слышу фамилію Мышкина или даже только слова, напоминающія это имя, передъ моимъ мысленнымъ взоромъ невольно проносится вереница пытокъ и жестокостей, въ горнилѣ которыхъ выковывалась эта незаурядная личность.

И. Н. Мышкинъ родился въ Новгородской губерніи. Отецъ его, николаевскій солдатъ, былъ человѣкъ строгій и требовательный; за дѣтскія шалости немилосердно дралъ за уши; за болѣе крупные проступки билъ „по чему попало“. За это Мышкинъ не любилъ своего отца.

Въ праздники отецъ надѣвалъ свой солдатскій мундиръ съ галунами и массой медалей и шелъ къ утрени и обѣднѣ въ церковь, при чемъ всегда бралъ сына съ собой. Ребенку хочется соснуть лишній часъ-два, но отецъ неумолимъ.

— Ипполитъ, вставай! Слышишь, начался благовѣстъ. Смотри, чтобы не пришлось поднимать тебя за уши!

Семи лѣтъ Мышкинъ началъ обучаться грамотѣ у сельскаго дьячка и за два года научился читать по часослову, да маленько писать. Строгій отецъ заставлялъ ребенка съ утра до вечера сидѣть за букваремъ и часословомъ. Ипполитъ Никитичъ разсказывалъ мнѣ, что принудительное посѣщеніе церкви и зубрежка часослова впервые забросили въ его душу сѣмена отрицательнаго отношенія къ религіи.

На 10 году Мышкина сдали въ батальонъ военныхъ кантонистовъ и съ этого времени началась для него тяжелая казарменная жизнь.

Казармы—длинныя одноэтажныя зданія, построенныя знаменитымъ Аракчеевымъ, характерный духъ котораго замѣчательно воплощался во всѣхъ его дѣлахъ. Нечего и говорить о томъ, что послѣ домашней обстановки, материнской любви и заботливости могильнымъ ужасомъ повѣяло отъ Аракчеевской казармы.

Злоключенія начались съ перваго же дня.

Одинъ изъ кантонистовъ подошелъ къ Мышкину и потребовалъ „гостинца".

— Какого?—спрашиваетъ Мышкинъ.

— Ну, да какой есть,—нахально говоритъ кантонистъ.

— У меня ничего нѣтъ.

Послѣ такого отвѣта кантонистъ „далъ въ зубы" Мышкину, который отвѣтилъ тѣмъ же... Началась драка, и въ результатѣ—Мышкинъ былъ сильно избитъ, а его нанковый кафтанъ—порванъ.

Мнѣ особенно врѣзался въ памяти разсказъ Мышкина о второмъ днѣ его казарменной жизни.

Въ 6 часовъ утра по казармѣ пошелъ шумъ. Это вставали кантонисты, одѣвались и выбѣгали на площадь; за кантонистами потянулись и новички. На площади всѣ встали въ „ряды".

Вдругъ раздалась команда: „смирно!" Къ батальону подошли ефрейторы, которые осмотрѣли ряды, дали нѣсколько зуботычинъ кантонистамъ. На новичковъ это произвело сильное впечатлѣніе, а старшіе кантонисты и „ухомъ не повели".

Дальше новая команда: „смирно!" Явились унтера. Такой же осмотръ и тѣ же зуботычины.

Наконецъ, еще „смирно!" и чинно, степенно,—съ сознаніемъ собственнаго достоинства,—пожаловали фельдфебеля.

Началась поротная перекличка. Вызвали Мышкина, онъ подошелъ къ фельдфебелю.

— Стой!—окрикнулъ меня фельдфебель.—Дядьку сюда!

Явился дядька—старшій кантонистъ. Фельдфебель далъ ему въ зубы и набросился:

— Ты что, с.... с..., плохо глядишь за новичками; видишь, у Мышкина вся спина кафтана порвана.

Дядька объяснилъ, отчего это произошло и снова получилъ въ зубы.

— Ну-ка, мерзавецъ, подходи сюда,—обратился ко мнѣ фельдфебель.

— Не успѣлъ я,—говоритъ Мышкинъ,—подойти къ фельдфебелю на два шага, какъ онъ, со всего размаха, ударилъ меня по головѣ кулакомъ, такъ что изъ глазъ искры посыпались и невольно покатились слезы.

— А, ты плакать,—закричалъ фельдфебель,—здѣсь не у матери: мы повыбьемъ изъ тебя кислую шерсть и эти слезы.

И далъ Мышкину еще нѣсколько плюхъ...

Послѣ переклички раздалась команда „ряды сдвой!“ Новички плохо это исполнили, за что исправно получили отъ ефрейторовъ въ зубы.

Дальше—завтракъ: кружка квасу и ломоть хлѣба съ солью.

Послѣ завтрака новичковъ отвели въ классъ, который представлялъ изъ себя большую неуклюжую комнату, установленную ученическими столами со скамейками; впереди у стѣны находилась черная классная доска.

Ефрейторъ роздалъ по одному букварю на двоихъ.

Вскорѣ вошелъ учитель, сѣдой старикъ, пошатываясь.

— Мы думали,—говоритъ Мышкинъ,—что онъ шатается отъ старости и дряхлости, но ошиблись: онъ былъ пьянъ.

Дядька прочиталъ молитву. Учитель нашъ грузно опустился на свое мѣсто и захрапѣлъ. Минутъ черезъ 20 онъ очнулся и громко сказалъ:

— Ефрейторъ! Давай квасу!

Явилась кружка квасу. Учитель выпилъ и немного пришелъ въ себя.

— Вы, подлецы и мерзавцы,—обратился онъ къ намъ,—я васъ буду учить уму и разуму да буду еще драть, какъ сидоровыхъ козъ—и за уши и розгами. Вы пока, щенки, ничего не понимаете; выпоремъ, какъ слѣдуетъ, глядишь—ума то и при-

будетъ. Я тоже былъ когда-то кантонистомъ и вотъ въ люди вышелъ, въ учителя; когда выйду въ отставку, пенсію получу и немаленькую—96 р. въ годъ.... Слышите, подлецы? Что молчите?—закричалъ на насъ педагогъ,

— Слушаемъ!—отвѣчалъ за насъ дядька.—Они еще ничего не понимаютъ, Никандръ Петровичъ, потому и молчатъ.

— Хорошо, я ихъ научу, какъ надо говорить, когда учитель спрашиваетъ. Кто изъ васъ умѣетъ читать, выходи сюда.

Вышло 5--6 человѣкъ, въ томъ числѣ и Мышкинъ. Учитель предложилъ каждому изъ нихъ прочитать нѣсколько строкъ изъ букваря и затѣмъ объявилъ ихъ старшими, т. е. обязанными обучать чтенію младшихъ на время отсутствія учителя.

Въ 12 часовъ дня обѣдъ, состоявшій изъ щей и каши, и потомъ нѣкоторый отдыхъ.

Днемъ шло фронтовое обученіе на площади передъ казармами. Это было настоящее мученье. За малѣйшую оплошность и неисправность слѣдовала жестокая расправа. Неудивительно поэтому, что многіе изъ дѣтей сдѣлались на всю жизнь калѣками, другіе прямо погибли подъ ударами учителей Аракчеевской школы.

Были несчастные, у которыхъ, подъ вліяніемъ ужасовъ воспитанія, начинались конвульсивныя подергиванья личныхъ мускуловъ, или какъ въ насмѣшку говорили „играла морда“. Невыносимо тяжело было смотрѣть на фронтовое ученье этихъ калѣкъ.

— Эй ты, Ивановъ, что это у тебя опять заиграла морда,—набрасывается унтеръ.

Ивановъ молчитъ, или отвѣчаетъ: „никакъ не могу знать“.

— Ну, такъ я знаю, она у тебя плюхи проситъ. Смотри, скотина, чтобы это въ послѣдній разъ; во время фронтового ученья морда должна быть въ порядкѣ.

Несмотря на такое почти снисходительное нравоученіе, дѣло безъ плюхи не обходится.

Одинъ изъ кантонистовъ Огурцовъ, мальчикъ отъ природы хилый и больной, не вынесъ безчеловѣчнаго режима.

— Ты, Огурцовъ, опять кашляешь и плюешь? Развѣ не знаешь, что во фронтѣ этого не полагается? Я тебя, собачье рыло, научу, какъ стоять.

Въ отвѣтъ на брань унтера Огурцовъ еще сильнѣе раскашлялся. Это взбѣсило начальство. Унтеръ подошелъ къ Огурцову и далъ ему въ ухо, да такъ далъ, что бѣдняга замертво повалился на землю.

— Ахъ, ты, мерзавецъ, притворяться вздумалъ?

И началось избіеніе Огурцова „по чему попало“.... Изъ горла хлынула кровь....

Отправили бѣднягу въ госпиталь, гдѣ онъ и умеръ, не приходя въ сознаніе. Само собой понятно, что за это убійство унтеръ ничуть не потерпѣлъ.

Нѣкоторые изъ кантонистовъ не мирились со своей долей и убѣгали куда-нибудь подальше, между прочимъ, и въ Сибирь. Большей частью бѣглецовъ успѣвали поймать и тогда ихъ наказывали такъ жестоко, что только рѣдкіе изъ нихъ выживали.

По окончаніи школы кантонистовъ, Мышкинъ поступилъ рядовымъ солдатомъ въ одинъ изъ полковъ. Въ свободное время отъ службы готовился къ экзамену для поступленія въ Московскую учительскую семинарію военнаго вѣдомства. Это стоило большого труда и усилій, но терпѣніе превозмогло все. Мышкинъ поступилъ въ семинарію.

Семинарія имѣла своей задачей выпускать учителей для низшихъ военно-учебныхъ заведеній. Режимъ былъ военный и въ духѣ старыхъ трехъ китовъ; образовательная часть была изъ рукъ вонъ плохой. Ипполитъ Никитичъ мнѣ разсказывалъ, какъ учитель словесности ругалъ новѣйшихъ тогдашнихъ писателей: Чернышевскаго и Добролюбова называлъ дохлыми семинаристами, Писарева недоразвившимся дворяниномъ, даже извѣстнаго ретрограда Каткова съ его „Русскимъ Вѣстникомъ“ считалъ неблагонадежнымъ.

Во время одного изъ такихъ уроковъ словесности преподаватель замѣтилъ, какъ довольно недвухсмысленно разсмѣялся товарищъ Мышкина Николай Михайловичъ Богушевичъ. За это Богушевичъ былъ поставленъ въ уголъ. Послѣ урока Мышкинъ спросилъ его о причинахъ смѣха.

— Да какъ же было не смѣяться,—отвѣчалъ Богушевичъ,—когда учитель несъ такую чепуху. Нашихъ лучшихъ писателей онъ забрасывалъ грязью, а разную гниль и крѣпостническія отрыжки превозносилъ до небесъ.

Богушевичъ былъ моложе Мышкина, но гораздо развитѣе его. Дѣло въ томъ, что Богушевичъ съ малыхъ лѣтъ пользовался библіотекой своего отца, помѣщика Гродненской губерніи, потомъ разорившагося. Въ этой библіотекѣ было собрано все лучшее на русскомъ языкѣ, не мало было и заграничныхъ изданій.

Мышкинъ подружился съ Богушевичемъ, который, несомнѣнно, оказалъ крупное вліяніе на своего друга. Правда, самъ Богушевичъ еще не имѣлъ сложившагося характера, но направленіе ума и дѣятельности его шло въ революціонной плоскости; туда же вскорѣ повернулъ и Мышкинъ.

Разъ въ свободное отъ занятій время друзья зашли побесѣдовать въ рекреаціонный залъ семинаріи. На стѣнахъ висѣли портреты Высокихъ Особъ. Подъ вліяніемъ революціонной настроенности, Мышкинъ изрѣзалъ въ клочки одинъ изъ этихъ портретовъ.

Событіе это произвело въ семинаріи страшный переполохъ. Началось разслѣдованіе. Но виновныхъ такъ и не нашли. Тогда рѣшено было уволить изъ семинаріи каждаго десятаго по списку воспитанника. Дѣло, такимъ образомъ, приняло оборотъ, какого не ожидали ни Богушевичъ, ни Мышкинъ, которые оба, къ слову сказать, не попали въ число увольняемыхъ.

Во избѣжаніе наказанія невинныхъ, друзья заявили начальству, что они двое изрѣзали портретъ. Сейчасъ же виновныхъ водворили въ темный карцеръ на хлѣбъ и воду, и продержали здѣсь цѣлую недѣлю. Потомъ объявили имъ на выборъ одно изъ слѣдующихъ наказаній: 1) выпороть розгами и оставить въ семинаріи до окончанія курса, но безъ права полученія свидѣтельства на учительское званіе; 2) выгнать изъ семинаріи и отдать рядовыми въ полкъ. Друзья выбрали второе нака-

заніе и очутились въ одномъ изъ полковъ, стоявшихъ въ Финляндіи и принадлежавшихъ къ составу 22 пѣхотной дивизіи.

Командиромъ 22 дивизіи былъ генералъ Иванинъ, которому военнымъ министерствомъ предложено было организовать школу для подготовки военныхъ стенографовъ изъ числа наиболѣе развитыхъ нижнихъ чиновъ. Въ эту школу, естественно, попалъ и Мышкинъ; стенографія давалась ему легко. Въ свободное время Мышкинъ написалъ статью, касающуюся строевого обученія солдатъ, и показалъ ее генералу Иванину. Тотъ одобрилъ статью и рекомендовалъ отправить ее въ „Русскій Инвалидъ“, гдѣ она, дѣйствительно, и была напечатана. По предложенію того же Иванина, Мышкинъ еще написалъ рядъ статей по вопросамъ солдатскаго уклада жизни.

Генералъ Иванинъ заинтересовался личностью даровитаго Мышкина, окончившаго школу стенографовъ первымъ ученикомъ съ медалью „за усердіе“. Узнавши, что у Мышкина жива еще престарѣлая мать, нуждавшаяся въ помощи сына, Иванинъ предложилъ Мышкину подать рапортъ о совершеномъ увольненіи изъ военной службы для поддержанія матери. Мышкинъ такъ и поступилъ. Военное министерство согласилось удовлетворить ходатайство Мышкина, тѣмъ болѣе, что генералъ Иванинъ далъ благопріятный отзывъ.

По выходѣ съ военной службы, Мышкинъ поступилъ правительственнымъ стенографомъ въ Московскій окружный судъ.

Въ 1874 году я работалъ за Московской заставой на механическомъ заводѣ Феодосьева, производилъ нарѣзку болтовъ и гаекъ. Работа была не тяжелая, но требовала осмотрительности и осторожности, потому что машина не имѣла щита и малѣйшая оплошность могла кончиться катастрофой, т. е. шестерня могла зацѣпить за одежду, раздробить пальцы или даже всю руку, что иногда и бывало.

Одинъ разъ и со мной случилась непріятная исторія. Во время работы у меня соскочилъ со шкива ремень. Я, недолго думая, приставилъ трехсаженную лѣстницу, поднялся вверхъ и началъ,

натягивая, надѣвать ремень на колесо. Вдругъ случайно часть рукава блузы попала между колесомъ и ремнемъ; въ одно мгновеніе меня почти приподняло вверхъ, но я инстинктивно потянулъ въ обратную сторону—и рукава блузы и рубашки по плечо какъ не бывало; зато я избѣжалъ удовольствія упасть на землю съ 3-саженной высоты съ помятой рукой. Счастье, что я обладалъ значительной силой—могъ поднимать тяжести до 12 пудовъ—и потому отдѣлался только рукавами, а не будь силы, меня сбросило бы на землю и, возможно, что покалѣчило бы.

Послѣ работы, въ этотъ день, я сидѣлъ въ своей комнатѣ и пилъ чай.

Вдругъ входитъ ко мнѣ брюнетъ, выше средняго роста, быстрый въ движеніяхъ; спросилъ мою фамилію, сѣлъ на постель, отрекомендовавшись такъ: я—пріятель Порфирія Ивановича Войнеральскаго и пріятель Н. М. Богушевича*). Фамиліи своей мнѣ не назвалъ.

— Какъ жарко сегодня!—проговорилъ незнакомецъ.

— Да,—отвѣтилъ я.

— Не найдется ли у васъ лишняго стакана чаю?

— Какъ,—говорю,—не найдется. Побудьте здѣсь маленько, а я схожу въ трактиръ и заварю новаго чаю, этотъ уже остылъ.

— Вы свободны,—спросилъ меня гость, когда выпилъ нѣсколько стакановъ чаю.

— Свободенъ.

— Пройдемтесь со мной, хотя бы недалеко.

— Хорошо,—отвѣтилъ я.

Мы вышли на улицу и двинулись по пустынной дорогѣ между Московской заставой и Обводнымъ каналомъ.

— Я умышленно не назвалъ своей фамиліи, потому что изъ вашей квартиры все слышно въ сосѣдней комнатѣ,—началъ мой спутникъ.—Меня вездѣ ищутъ; я—Мышкинъ,—тотъ самый, у кото-

*) Н. М. Богушевичъ, другъ Мышкина въ семинаріи, служилъ дѣлопроизводителемъ Саратульскаго воинскаго начальника; привлекался по дѣлу о пропагандѣ въ войскахъ Петербургскаго военнаго округа; умеръ въ Петропавловской крѣпости въ 1875 году.

раго было двѣ типографіи въ Москвѣ; въ нихъ я перепечатывалъ нелегальныя изданія и Лассаля. Ареста пока избѣжалъ случайно. Не можете ли вы достать мнѣ какой-нибудь паспортъ; безъ него въ Петербургѣ очень трудно жить: того и гляди, что полиція привяжется къ какому либо пустяку.

— Паспорта,—отвѣчаю я,—дать вамъ не могу. Моя компанія, къ которой я примыкаю, разъѣхалась въ разныя мѣста; да, вѣроятно, и въ другихъ кружкахъ то же самое. Но однако надо подумать; можетъ быть, что нибудь и смастеримъ.

Черезъ нѣсколько дней, окончивъ работу на заводѣ, я вечеромъ пришелъ на квартиру къ Богушевичу, жившему около технологическаго института. Здѣсь рѣшено было обойти всѣхъ знакомыхъ въ Петербургѣ и попытаться достать черезъ нихъ такъ необходимый паспортъ.

Къ первому мы зашли къ Плеханову, жившему въ то время на Кронверкскомъ проспектѣ, въ двухэтажномъ деревянномъ домѣ, но Плехановъ ничего намъ утѣшительнаго не сказалъ, а только обѣщалъ спросить у своихъ знакомыхъ.

Въ поискахъ за паспортомъ, мы побывали у О. И. Каблица, и, наконецъ, у Емельянова (А. П. Добролюбова), жившаго около Сампсоніевскаго моста вмѣстѣ съ своей сестрой, бывшей замужемъ за докторомъ Штольцомъ. Емельяновъ намъ сказалъ, что постарается сдѣлать и пригласилъ зайти черезъ нѣсколько дней. 29 іюня мы опять зашли къ нему и дѣйствительно получили очень непскусно сдѣланный паспортъ на имя армейскаго воспитанника Архипа Петровича Боголюбова, выданный изъ канцеляріи главнаго священника арміи и флота Бажанова.

Мышкинъ и этому былъ радъ. Онъ каждый день послѣ 6 часовъ вечера приходилъ ко мнѣ за заставу и каждый разъ заводилъ разговоръ о пріобрѣтеніи заграничнаго паспорта.

На это я обычно отвѣчалъ, что купить невозможно, да и опасно.

— Но вѣдь у васъ,—говорилъ Мышкинъ,—масса знакомыхъ, неужели никто не согласится продать свой паспортъ.

— Да,—возражалъ я,—у меня дѣйствительно

знакомыхъ много, но не такихъ, какіе нужны въ данномъ случаѣ.

— Нельзя ли использовать домъ Вяземскаго?

— Безполезно,—говорилъ я.

— Почему?

— Да потому, что тамъ сосредоточены подонки нашего общества, и чтобы использовать кого-либо, надо оборванца одѣть, обуть, нанять ему квартиру, а затѣмъ, необходимо свидѣтельство изъ участка о томъ, что отъѣзжающій заграницу не состоитъ подъ судомъ и слѣдствіемъ. А развѣ вы можете ручаться за то, что одѣтый вами субъектъ на другой же день не пропьетъ вашей одежды; а кромѣ того, вы можете попасть на такого господина, который сейчасъ же обратитъ на себя вниманіе полиціи тѣмъ, что жилецъ дома Вяземскаго вдругъ сталъ богатъ и ѣдетъ за границу. Вѣдь полиція сейчасъ же заподозритъ, что тутъ дѣло не чисто, начнетъ слѣдить и вы моментально будете арестованы.

Но мои доводы Мышкина далеко не удовлетворили и онъ продолжалъ настаивать на томъ, чтобы завязать сношенія съ домомъ Вяземскаго.

— Хорошо,—сказалъ я,—у меня въ этомъ домѣ есть знакомый—старшій дворникъ Илья Корольковъ, которому я когда то сдѣлалъ, по его мнѣнію, большую услугу тѣмъ, что нашелъ ему мѣсто младшаго дворника, когда онъ находился безъ мѣста, и очень бѣдствовалъ. При случайныхъ встрѣчахъ Корольковъ всегда благодарилъ меня.

— Вотъ и отлично,—обрадовался Мышкинъ,—идемъ завтра же къ нему.

На слѣдующій день, около 10 часовъ вечера, мы были въ квартирѣ Ильи Королькова.

— Марья, наставляй самоваръ, да живо, а я сбѣгаю за пивомъ,—сказалъ Илья.

Появились на столѣ пиво и самоваръ.

Во время чаепитія Илья, поглядывая на меня, спросилъ:

— Однако вы за какимъ то дѣломъ ко мнѣ пришли?

— Да, за дѣломъ.

— Знаю и вижу, что за дѣломъ, потому что вы

раньше никогда не заходили, а теперь вдругъ даже вдвоемъ пришли, съ товарищемъ значитъ.

Я объяснилъ цѣль посѣщенія.

— А гдѣ же вашъ собственный паспортъ?

— Потерялъ,—отвѣчалъ я.

Вы думаете, что у нашихъ кадетовъ можно достать паспортъ?

— Да, купить, конечно.

— Вы нашихъ кадетовъ не знаете, потому такъ и говорите; вѣдь это все жулики. Они каждаго полицейскаго могутъ вокругъ пальца обернуть, а васъ нѣтъ ничего легче надуть. Нѣтъ ужъ лучше съ ними не связывайтесь, а чтобы убѣдиться въ правдивости моихъ словъ, не угодно ли посмотрѣть нашихъ жильцовъ.

Мы вышли изъ квартиры дворника, спустились въ подвалъ и пошли узенькимъ коридоромъ. Стѣнная лампа слабо мерцала, что придавало обстановкѣ особенно мрачный видъ. Вдругъ мы слышимъ откуда-то вопросъ, очевидно, обращенный къ намъ.

— А что это духи?*).

— Пошелъ прочь,—грозно крикнулъ дворникъ.

— А, духи, духи!—понеслось по нашему адресу.

— Васъ принимаютъ,—замѣтилъ дворникъ,—за полицейскихъ, и это сейчасъ же станетъ извѣстно всѣмъ и на время взбудоражитъ покой нашихъ кадетовъ.

Проводникъ отворилъ дверь. Мы вошли въ довольно большую комнату безъ оконъ, въ разныхъ мѣстахъ по стѣнамъ висѣли тускло горящія лампы, аршина полтора отъ каменнаго пола были нары во всю стѣну, укрѣпленныя на деревянныхъ стойкахъ. Изъ подъ наръ выглядывали страшныя алкогольныя физіономіи, по большей части въ синякахъ; одна изъ этихъ физіономій хриплымъ голосомъ попросила на „мерзавчикъ“ ерофеича.

Мышкинъ далъ 5 копѣекъ.

— Мало, духъ, еще надо 15 копѣекъ.

— Пошелъ туда, откуда выползъ,—вмѣшался дворникъ.

Другая „физіономія“, въ видѣ сѣдого старика, также обратилась за подаяніемъ.

---

*) Сыщики.

— Напрасно, господинъ духъ, вы дали этому хаму; онъ пьяница и воръ. Вы лучше дайте мнѣ; я изъ благороднаго сословія, самъ лакеевъ имѣлъ, я—титулярный совѣтникъ, въ министерствѣ служилъ, ордена имѣю,—сказалъ залпомъ старикъ.

Мышкинъ и ему далъ 5 копѣекъ.

Изъ этой комнаты мы прошли въ слѣдующую, гдѣ встрѣтили такихъ же кадетовъ, если еще не въ худшемъ видѣ. Здѣсь мы увидѣли одного пожилого мужчину въ мѣшкѣ вмѣсто рубахи, босого и безъ кальсонъ.

— Довольно,—шепнулъ Мышкинъ дворнику.

Мы вернулись въ дворницкую.

— Ну, что,—спросилъ Илья,—какъ вы думаете, можно на нихъ положиться?

Мышкинъ согласился, что ничего путнаго не выйдетъ.

На другой день послѣ работы я зашелъ къ Мышкину. Онъ сидѣлъ въ задумчивости.

— А все таки мнѣ необходимъ поспортъ,—сказалъ онъ.

Мы рѣшили послѣ долгихъ разсужденій, что я возьму на свое имя заграничный паспортъ, а самъ уѣду изъ Петербурга и поступлю на какую либо Московскую фабрику, такъ какъ въ Петербургѣ неудобно было проживать по другому паспорту въ виду многочисленныхъ знакомыхъ, которые нечаянно могли раскрыть мое имя.

Черезъ 10 дней заграничный паспортъ былъ у меня въ рукахъ и на другой день мы ѣхали по Варшавской желѣзной дорогѣ въ Вержболово, гдѣ остановились въ гостиницѣ Фуксмана, у котораго заключались различныя сдѣлки между контрабандистами.

Мышкинъ ночью перешелъ границу нелегально, а по утру, пройдя таможенную заставу, я визировалъ свой паспортъ и нашелъ Мышкина въ корчмѣ въ Эйдкуненѣ, уже въ Пруссіи.

Въ тотъ же день Мышкинъ съ моимъ паспортомъ уѣхалъ въ Швейцарію, а я вернулся въ Петербургъ, откуда вскорѣ же уѣхалъ въ Москву съ фальшивымъ паспортомъ на имя Николая Ѳедорова, крестьянина Архангельской губерніи.

Изъ Москвы я отправился путешествовать по

Россіи для пропаганды среди народной толщи и для изученія крестьянскаго быта. Въ августѣ мѣсяцѣ, въ Карачевскомъ уѣздѣ, Орловской губ., на ночлегѣ я нечаянно столкнулся съ сектой *бѣгуновъ*, отрицающихъ священство, паспорта и всякое начальство. Бѣгунамъ моя анархическая проповѣдь очень понравилась, но они во многомъ не соглашались со мной. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ я вернулся въ Москву. Здѣсь мнѣ необходимо было остановиться на нѣсколько дней и разыскать студента университета Аркадакскаго. Въ канцеляріи университета, гдѣ я надѣялся найти его адресъ, секретарь посовѣтовалъ мнѣ совсѣмъ не разыскивать этого студента, такъ какъ возможны непріятныя послѣдствія.

Потомъ выяснилось, что Аркадакскій разыскивался по дѣлу о пропагандѣ въ Калугѣ, гдѣ я съ нимъ видѣлся въ іюлѣ мѣсяцѣ въ квартирѣ Дементьевой, привлекавшейся по дѣлу Нечаева.

Изъ университета я направился въ Петровскую академію, гдѣ удалось разыскать кружокъ Бакунинцевъ, у которыхъ прожилъ нѣсколько дней, въ ожиданіи денегъ изъ Петербурга на дорогу.

На этотъ разъ въ Петербургѣ я жилъ въ качествѣ нелегальнаго. При многочисленности хорошихъ знакомыхъ мнѣ легко было устраиваться по части ночлега, но все же это не изъ завидныхъ положеній. Во-первыхъ, была постоянная угроза попасться на глаза полиціи, а во вторыхъ—и это самое главное—трудно было вести гдѣ нибудь систематическую пропаганду.

Разъ я зашелъ на ночлегъ къ Антону Таксису, который сообщилъ, что меня разыскиваетъ какой то господинъ, по примѣтамъ похожій на Мышкина.

На другой день захожу къ матери Богушевича и, къ величайшему своему удивленію, здѣсь встрѣчаю Ипполита Никитича.

— Что,—спрашиваю,—такъ скоро вернулись, изъ-за границы?

— Скучно тамъ.

— Но вѣдь тамъ работы сколько угодно и работы всякой?

— Нѣтъ—отвѣчалъ Мышкинъ,—тамъ нашему брату дѣлать нечего. Въ работникахъ нуждается

родина, да кромѣ того, въ Швейцаріи я видѣлся съ нѣкоторыми эмигрантами, которые настаиваютъ на освобожденіи изъ неволи Н. Г. Чернышевскаго; особенно ратуетъ за это П. Ткачевъ. Въ данное время Чернышевскій очень много можетъ сдѣлать и только онъ, но никто больше, потому что его знаетъ вся Россія, а насъ она не знаетъ. Положимъ, на это освобожденіе потребуется очень много денегъ, но мнѣ заграницей дали нѣсколько Московскихъ и Петербургскихъ адресовъ, гдѣ можно разсчитывать на солидную поддержку.

Такимъ образомъ, мысль объ освобожденіи Н. Г. Чернышевскаго явилась у Мышкина заграницей.

Съ утра до вечера Мышкинъ носился по Петербургу, отыскивая денегъ, но, кажется, получилъ ихъ очень немного. Немного далъ ему и Лялинъ, редакторъ и пздатель „Русскаго Курьера“, съ котораго Мышкинъ надѣялся получить не менѣе тысячи рублей. Не знаю, сколько собралъ Мышкинъ въ Москвѣ.

Изъ Москвы онъ двинулся въ Сибирь освобождать Чернышевскаго. Изъ Перми онъ телеграфировалъ, что живъ и здоровъ, ѣдетъ благополучно, но въ деньгахъ нуждается. Собрать и послать ихъ мы не могли, потому что въ это время начались въ Петербургѣ между нашими знакомыми аресты.

По Иркутской губерніи Мышкинъ ѣхалъ въ качествѣ поручика корпуса жандармовъ Мещеринова, командированнаго въ Сибирь совмѣстно съ женой поручика, кажется, Патрикѣевой. Во время остановокъ въ Тулунѣ, Черемховой, Мальтѣ и Зимѣ онъ, очевидно, занимался революціонной пропагандой, какъ объ этомъ показали станціонные ямщики на слѣдствіи, произведенномъ по распоряженію Иркутскаго генералъ-губернатора Шелашникова.

Какъ извѣстно, планъ Мышкина не удался.

Е. Гонсовичъ.

Мелочи изъ жизни стариннаго Амурскаго духовенства*).

(Продолженіе).

Бѣжитъ быстротечное время и уноситъ съ собой людей, сглаживаетъ шероховатости и стираетъ воспоминанія.

Многое, казавшееся когда то яркимъ, важнымъ, животрепещущимъ, теперь утратило свою остроту и не вызываетъ болѣзненныхъ ощущеній, а лишь грустную улыбку.

Вспоминается мнѣ одинъ „попикъ“, который въ свое время стяжалъ себѣ громкую извѣстность среди низового инородческаго населенія Амура.

Про него разсказываютъ, что онъ былъ большой любитель ѣздовыхъ собакъ и, нужно ему отдать должное, большой знатокъ по „собачьему вопросу“.

Ѣзда на собакахъ происходитъ слѣдующимъ образомъ.

Обыкновенно запрягаютъ нечетное число собакъ (7, 9, 11, 13), съ тѣмъ, чтобы передовая, хорошо выдрессированная, собака вела всѣхъ остальныхъ. Сани (нарты), въ которыя запрягаются собаки, бываютъ длиною около сажени, узкія, съ аршинъ шириною, очень легкія и низкія настолько, что снѣгъ, разрѣзанный полозьями нарты, ложится наравнѣ съ поверхностью ея. Собаки запрягаются къ переднимъ ножкамъ нарты посредствомъ ремней, которые другимъ концомъ привязываются къ хомуту, надѣтому на грудь собаки. Сама нарта дѣлается очень искусно изъ кусковъ дерева и оленьяго рога, связанныхъ ремнями изъ тюленьей кожи. Полозья дѣлаются изъ пластинокъ китовыхъ реберъ.

Управляетъ собаками проводникъ (каюръ), помахивая палкой съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, то и дѣло покрикивая на нихъ.

*) См. «Сибирскій Архивъ» за 1916 годъ, № 5.

Собаки отлично понимаютъ кнута и очень его боятся, а безъ этого, принимая во вниманіе ихъ строптивый нравъ и наклонность къ грызнѣ, ѣзда на собакахъ была бы немыслима.

Во всей ѣздовой сворѣ наибольшую цѣнность представляетъ передовая собака.

Она является руководителемъ всѣхъ остальныхъ и горе ѣздоку, если передовая собака плохо выдрессирована или погибла въ дорогѣ. Зато она обыкновенно цѣнится значительно дороже прочихъ и неохотно уступается владѣльцемъ.

Батюшка же, о которомъ я веду рѣчь, былъ и любителемъ и знатокомъ „собачьяго дѣла“, а кромѣ сего, обладалъ неугасимымъ желаніемъ пріобрѣсть все новыхъ и новыхъ собакъ.

Несмотря на то, что у него собакъ былъ болѣе, чѣмъ достаточно, онъ все стремился къ новымъ и новымъ пріобрѣтеніямъ.

Способы для пополненія своихъ собачьихъ конюшенъ у него были весьма оригинальны.

Не говоря уже о томъ, что онъ бралъ собаками свою ругу и плату за требы, а также выклянчивалъ ихъ у богатыхъ инородцевъ, онъ не оставлялъ въ покоѣ и малосимущихъ, и даже такъ приставалъ къ нимъ, что частенько выманивалъ собакъ и у такихъ владѣльцевъ, коимъ эти четвероногія были совершенно необходимы.

Однимъ словомъ, батюшка былъ весьма „собакостяжателенъ“.

Кончилось это тѣмъ, что бѣдные инородцы, завидѣвъ издали батюшку, спѣшили упрятать подальше свое четвероногое имущество и на всѣ его спросы о собакахъ клялись и божились, что у нихъ собакъ нѣтъ и что они сами хотѣли попросить батюшку, чтобы онъ имъ мало-мало уступилъ.

Казалось, что нашъ любитель собакъ попалъ въ безвыходное положеніе, но остроумный батюшка и на этотъ разъ перехитрилъ простодушныхъ инородцевъ.

Батюшка выучился неподражаемо лаять и выть по собачьи.

Когда поиски собакъ не увѣнчивались успѣхомъ, изобрѣтательный батюшка становился посреди поселка и начиналъ пронзительно и задорно лаять.

Введенные въ заблужденіе псы яростно отвѣчали изъ мѣстъ своего заключенія и тѣмъ выдавали свое секретное мѣстопребываніе.

Батюшка тогда ужъ по слуху шелъ къ собакамъ и не отставалъ отъ владѣльцевъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не добывалъ понравившійся экземпляръ.

Такимъ образомъ цивилизація побѣждала невѣжество.

Извѣстность этого „лающаго попа“ была столь велика, что слава о немъ прокатилась по всему Амуру и до сихъ поръ старожилы вспоминаютъ этого „собачьяго пастыря“.

Нужно сказать, что этотъ батюшка былъ любителемъ не только собакъ, но и „пушнины“, т. е. всякаго рода мѣха, коимъ изобиловали тогда наши дальневосточныя окраины.

Большинство инородцевъ Амура занимались охотой на пушного звѣря и добывали великое множество всякаго мѣха, начиная съ дешевенькаго „колонка“ (хорекъ) и бѣлки и кончая благороднымъ соболемъ, мѣхъ котораго и въ то благословенное время цѣнился сравнительно дорого.

Батюшка былъ большой любитель мѣховъ и преимущественно собольихъ, хотя нужно отдать ему справедливость, не брезговалъ и прочими болѣе дешевыми сортами.

Много несли батюшкѣ доброхотныхъ даяній мѣхами его наивные прихожане, еще больше батюшка добывалъ отъ нихъ своими, частенько не лишенными остроумія, стараніями.

Любилъ батюшка почетъ и уваженіе. Если встрѣтитъ гдѣ либо своего прихожанина, который, зазѣвавшись, не сниметъ ему издали своей, сдѣланной часто изъ очень дорогого мѣха, шапки, то бѣда оплошнику.

Батюшка тутъ же сдѣлаетъ пасомому надлежащее внушеніе, часто даже и рукоприкладствомъ, а на память отберетъ у непочтительнаго его шапку и снесетъ къ себѣ, въ свои запасы.

Этой мѣрой батюшка достигъ того, что почтеніе ему оказывалось небывалое.

Пріѣзжавшіе архіереи всегда удивлялись батюшкѣ, какъ онъ сумѣлъ внушить къ себѣ такое уваженіе среди своей, далеко некультурной паствы.

Иркутская областная
библиотека
им. И. И. Молчанова-
Сибирского

А паства росла не по днямъ, по часамъ. Миссіонерскіе отчеты пестрѣли огромными цифрами присоединяющихся дикарей къ лону православной церкви. Какими миссіонерскими способами батюшка достигалъ столь блестящихъ результатовъ —сказать трудно, но фактъ остается фактомъ.

Знавалъ я и другого батюшку, который былъ менѣе знаменитъ и отличался отъ прочихъ „смиренныхъ іереевъ“ только огромной шевелюрой и постоянной жаждой.... къ выпивкѣ.

Много онъ претерпѣлъ за свое второе качество и когда я съ нимъ познакомился, онъ уже былъ заточенъ въ одинъ глухой, понизовый хуторъ, расположенный не на самой рѣкѣ, а въ сторонѣ отъ нея, на несудоходной протокѣ. Мѣсто было глухое, населеніе малое и отчаянно пьяное.

Здѣсь батюшка развернулся во всю ширь и не только не излѣчился отъ своего порока, а наоборотъ еще усовершенствовался, если, конечно, можно такъ выразиться.

Что батюшка пилъ мертвую—это еще въ полбѣды. Кто же тамъ не пилъ! Пили всѣ, отъ мала до велика.

Мнѣ приходилось видѣть дѣтей, подростковъ пьяными вдребезги. Что же касается пьянства женщинъ и дѣвушекъ, это уже считалось явленіемъ обыденнымъ.

Секретъ такого невольнаго пьянства заключался въ томъ, что вблизи этого русскаго поселка была расположена китайская деревня, въ которой русское населеніе и добывало себѣ особый родъ китайской водки „ханшинъ“. Ханшинъ—напитокъ, который гонится изъ особаго растенія „гаолянъ“ и обладаетъ двумя незамѣнимыми качествами: первое то, что онъ продавался по весьма доступной цѣнѣ, 10—15 копѣекъ бутылка, а второе—напившійся наканунѣ ханшиномъ и вставшій на утро совершенно трезвымъ, послѣ выпивки нѣсколькихъ глотковъ воды, чая или какой угодно жидкости, вновь дѣлается пьянымъ, ничуть не менѣе, чѣмъ раньше.

Конечно, все населеніе, включая и батюшку, отдавало должное этому волшебному напитку и,

при небольшихъ затратахъ, получало полное удовлетвореніе своей постоянной жаждѣ.

Будучи въ нетрезвомъ (обычномъ) состояніи, батюшка любилъ приставать къ людямъ и донимать ихъ „кислыми словами“, а подчасъ и побушевать.

Особенно горестно приходилось отъ батюшки хуторскому кузнецу, котораго батюшка ежедневно, раннимъ утромъ, донималъ упреками за нетрезвую жизнь и грозилъ всѣми ужасами ада.

Бѣдный кузнецъ, красный и потный отъ жара, съ отчаяніемъ слушалъ батюшку и только изрѣдка бросалъ ему одну фразу: „отстань, припеку“.

Кончилось все это комической сценкой.

Во едину отъ субботъ (буквально) батюшка особенно сильно донялъ кузнеца, а потомъ съ сознаніемъ свято исполненнаго долга отправился на протоку и, снявъ одѣяніе свое, готовъ былъ погрузиться въ воду.

Въ это время кузнецъ, обуреваемый обидой, до-красна накалилъ кусокъ желѣза, защемилъ его въ щипцы и подкрался къ батюшкѣ съ злодѣйскимъ намѣреніемъ прижечъ его обнаженное тѣло.

Батюшка, узрѣвъ грозящую опасность и обезумѣвъ отъ ужаса, вскочилъ на ноги и, забывъ свою одежду, кинулся по деревнѣ къ своему дому.

И вотъ встревожилась деревня, видѣвъ своего обнаженнаго пастыря, съ развѣвающими кудрями, несшагося, какъ ураганъ, къ своему дому, и зловѣщее грозившаго „прокляну, прокляну“, а позади —настигающаго кузнеца, который съ щипцами въ рукахъ бѣжалъ за нимъ и мрачно изрыгалъ: „припеку, припеку“. Батюшкѣ удалось благополучно скрыться. Соблазнъ былъ великъ.

Вечеромъ этого дня батюшка особенно благоговѣйно совершилъ всенощную, а кузнецъ въ темномъ углу церкви мрачно вздыхалъ и истово крестился своей черной, заскорузлой, рукой.

Все прошло, все затихло!

Я былъ единственнымъ постороннимъ свидѣтелемъ этого трагикомическаго случая, да и то вспомнилъ о немъ черезъ два десятка лѣтъ, по правдѣ сказать, безъ всякой горечи.

П. Дравертъ.

Объ одной забытой экспедиціи.

Въ 1913 году въ изданіи Якутскаго отдѣла общества изученія Сибири и улучшенія ея быта вышелъ въ свѣтъ *„Краткій историческій очеркъ экспедицій въ Якутскую область“*, принадлежащій перу В. Н. Николаева. Эта книжка, представляющая теперь библіографическую рѣдкость (издано было 300 экземпляровъ, которые всѣ уже разошлись), можетъ послужить прекраснымъ пособіемъ для любого путешественника-изслѣдователя Якутскаго края. Авторомъ данъ обширный перечень экспедицій въ эту отдаленную часть нашего отечества съ 1632 по 1913 годъ, и подъ краткимъ описаніемъ задачъ и маршрутовъ той или иной экспедиціи указаны соотвѣтствующіе литературные источники. В. И. Николаевъ самъ заявляетъ, что его очеркъ не претендуетъ на исчерпывающую полноту. По условіямъ работы въ Якутскѣ, неизбѣжно должны были получиться дефекты, сказавшіеся, главнымъ образомъ, на недостаточности приведенной литературы. Съ другой стороны, въ реферируемой книжкѣ имѣется рядъ свѣдѣній впервые появляющихся въ печати; онѣ или извлечены изъ неопубликованныхъ документовъ, или же сообщены на основаніи лично извѣстныхъ автору фактовъ.

Далеко не всѣ писанные матеріалы, касающіеся культурной исторіи Якутской области, хранятся въ центральномъ областномъ архивѣ. Часть ихъ уничтожена при небрежномъ храненіи въ окружныхъ архивахъ грызунами и сыростью, часть погибла при многочисленныхъ пожарахъ, часть преступно расхищена тѣми, кто долженъ былъ ихъ охранять. Не мало важныхъ документовъ (подлинныхъ или списковъ съ уже утраченныхъ) разными путями попало въ руки частныхъ лицъ, особенно якутскихъ тойоновъ, которые тщательно берегутъ доставшійся имъ матеріалъ. Можетъ быть, у нихъ такимъ образомъ кое-что и сохранится для позднѣйшихъ историковъ, но—съ другой стороны—

современные изслѣдователи подобнымъ положеніемъ вещей лишаются возможности использовать необходимые для полноты ихъ работъ документы.

Только иногда, благодаря счастливой случайности, удается обнаружить интересный матеріалъ.

Осенью 1916 года, проѣздомъ черезъ с. Сунтаръ на Вилюѣ, я ознакомился у тамошняго жителя Г. С. Доценко съ копіей старой рукописи, которая принадлежитъ Д. И. Тимофееву—инородцу 1-го Нерюхтейскаго послега Сунтарскаго улуса. Копія снята, по словамъ г-на Доценко, съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника и представляетъ собою, вѣроятно, главную часть *„Дѣла о рѣдкостяхъ“*, именно—походный журналъ сержанта Якутской воинской команды Степана Попова съ описаніемъ его путешествія отъ г. Вилюйска до рѣки Илимпеи въ 1794 году.

Свѣдѣній объ этой экспедиціи въ вышеупомянутой книгѣ В. Н. Николаева не имѣется; нѣтъ упоминанія о ней въ статьѣ А. П. Щапова. *„Значеніе первоначальныхъ географическихъ открытій въ Сибири“*; не встрѣчалъ я и въ историческихъ справкахъ Миддендорфа, Р. Маака и другихъ авторовъ никакихъ указаній на это незаурядное путешествіе. Анализируя въ запискахъ Попова его языкъ, мы усматриваемъ въ немъ характерные элементы восточно-сибирскаго нарѣчія. Это обстоятельство, въ связи съ нѣкоторыми другими соображеніями, заставляетъ насъ признать въ С. Поповѣ сибиряка по рожденію.

Но обратимся теперь къ исторіи его путешествія.

Поскольку это видно изъ его дневника, Степанъ Поповъ былъ командированъ въ западную часть Вилюйскаго округа для розыска и описанія „рѣдкостей“, какъ тогда называли драгоцѣнные камни, руды и другія природныя произведенія. Одной изъ главныхъ задачъ его похода была провѣрка слуховъ о нахожденіи серебряной руды въ районѣ р. Илимпеи (лѣв. прит. Н. Тунгузки). Возможно, что данная командировка была вызвана отчасти результатами путешествія извѣстнаго академика Эриха Лаксмана, который въ 1790 г.

открылъ на Вилюѣ близъ устья Ахтарагды*) столь прославившіеся впослѣдствіи минералы—вилуитъ и гроссуляръ. По крайней мѣрѣ, на этомъ пунктѣ Поповъ обратилъ особенное вниманіе при своихъ изысканіяхъ.

Журналъ Попова начинается со дня выѣзда его изъ города Оленска (нынѣ Вилюйскъ) 20-го апрѣля 1794 года. Слѣдуя верхомъ на коняхъ берегами Вилюя, переправляясь на плотахъ и берестянныхъ челнокахъ черезъ его притоки, экспедиція къ первому іюля достигла устья рѣки Билючанъ, откуда Поповъ отправилъ кратчайшимъ путемъ на Чону двухъ казаковъ съ проводниками и оленями, груженными провіантомъ, а самъ съ оставшимися товарищами прослѣдовалъ далѣе вверхъ по Вилюю. 11-го іюля Поповъ дошелъ до устья р. Ахтарагды, совершилъ боковой маршъ по этой рѣкѣ къ мѣсторожденію исландскаго шпата и, обозрѣвъ затѣмъ окрестности устья Ахтарагды, отправился далѣе на Чону. Переваливъ водораздѣлъ между Чоной и Нижней Тунгузкой, онъ 8-го августа былъ уже у береговъ послѣдней.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе становились условія путешествія,—и 19-го августа Поповъ, оставивъ своихъ спутниковъ, а также всѣхъ лошадей и оленей въ устьѣ р. Тонгусъ-Апката, отправился пѣшкомъ въ сопровожденіи дворянина Корякина, казака Ефима Попова и трехъ тонгусовъ по Нижней Тунгузкѣ къ Илимпеи, куда и вышелъ черезъ десять дней. Тутъ едва не погибъ ближайшій сотрудникъ С. Попова, его однофамилецъ казакъ Ефимъ, въ котораго стрѣлялъ одинъ изъ чапчагирскихъ тонгусовъ—неосвѣдомленный отъ сородичей о мирныхъ задачахъ экспедиціи. 2-го сентября небольшой отрядъ достигъ, наконецъ, искомой горы на Илимпеи, но тутъ его ждало горькое разочарованіе. Предоставимъ слово самому Попову—тѣмъ болѣе, что оно весьма кратко въ своей выразительности: „...2-го числа вышли 30 верстъ къ той горѣ, въ которой якобъ серебренная руда, но вмѣсто того по свидѣтельству оказался колчеданъ, да то самымъ пренегоднымъ, ибо оный показываетъ видъ и цвѣтъ

*) См. Pallas. Neue Nordische Beiträge. B. V, s. 282.

бѣлой и красноватой, почему и почитался за серебро. И такъ, въ толикой отдаленности перетерпѣвая труды и голодныя нужды, остались безполезными".

Отсюда, уже съ наступленіемъ зимы, Поповъ двинулся обратно на Чону, расчитывая достать тамъ запасныхъ оленей для дальнѣйшаго пути къ вершинамъ Вилюя, но выпавшіе глубокіе снѣга, а главное—невозможность добыть оленей, заставили его отказаться отъ предположеннаго намѣренія, и Поповъ, выѣхавъ съ экспедиціей черезъ предѣлы Олекминскаго округа, прибылъ въ Сунтаръ въ послѣднихъ числахъ ноября.

На этомъ кончается его дневникъ.

Тѣ, кто знаютъ объ истинномъ характерѣ путей сообщенія въ Вилюйскомъ округѣ,—поймутъ, съ какими трудностями было сопряжено слѣдованіе экспедиціи Попова. Онъ былъ первый и до сего времени послѣдній—совершившій свой маршрутъ отъ Вилюйска до Нижней Тунгузки на лошадяхъ. Даже теперь, съ замѣтнымъ осушеніемъ многихъ болотистыхъ пространствъ, мѣстами весьма тягостно передвиженіе отъ Сунтара до устья Малой Ботобіи; а отсюда на вьючное путешествіе берегомъ Вилюя къ Ахтарагдѣ рѣшится далеко не всякій изъ жителей этой страны: узкая береговая тропа здѣсь порою на многіе версты переходитъ въ полосу, заваленную огромными валунами и отторженцами твердыхъ изверженныхъ породъ, гдѣ на каждомъ шагу не только конь, но и пѣшій человѣкъ рискуютъ разбиться или сломать ноги. А въ дѣвственныхъ лѣсахъ между Чоной и Н. Тунгузкой даже инородцы вынуждены пробираться со своими оленями при помощи пальмъ, которыми расчищаютъ дорогу въ густыхъ зарослях. И не даромъ на Хатунгѣ дивились кундягирскіе тонгусы на невиданныхъ ими прежде коней, пришедшихъ съ Поповымъ.

На закатѣ блестящаго царствованія Екатерины II горсточкой людей былъ совершенъ на окраинѣ имперіи нелегкій подвигъ,—и вотъ, какъ въ бездну, канули всѣ воспоминанія о немъ, словно топью зыбучихъ болотъ засыпаны проложенные въ пустынныхъ дебряхъ слѣды!...

Военная по внѣшности, вооруженная, согласно обычаямъ того времени и мѣстнымъ условіямъ, экспедиція Попова выгодно отличается съ моральной стороны отъ многихъ ученыхъ экспедицій, оперировавшихъ ранѣе и позднѣе въ глухихъ районахъ Азіатской Россіи. Содержаніе ея не ложилось тяжелымъ бременемъ на населеніе, какъ это часто бывало, напримѣръ, съ широкими предпріятіями, оргонизованными Академіей Наукъ, о чемъ съ горечью пишетъ Миддендорфъ. Поповъ не реквизировалъ оленей, домашняго скота и провіанта, когда это вызывалось обстоятельствами; и только его гуманное, какъ надо думать, обращеніе съ туземцами сдѣлало возможнымъ безпрепятственное продвиженіе его среди дикихъ тунгусовъ, которые охотно указывали ему путь и снабжали порою необходимыми припасами.

Оцѣнивая результаты, достигнутые Поповымъ, намъ нужно принять во вниманіе, во первыхъ, то обстоятельство, что онъ не былъ по своей профессіи ученымъ, а во вторыхъ—мы не должны упускать изъ виду того, что въ нашемъ распоряженіи имѣется далеко не полный матеріалъ. Изъ дневника Попова усматривается, что экспедиціей были вывезены и соотвѣтствующія коллекціи (такъ напримѣръ, на мѣсторожденіи, открытомъ Э. Лаксманомъ, два дня ушли на приготовленіе ящиковъ для перевоза камней); въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ о тонгусскихъ костюмахъ, „кои имъ на разсмотрѣніе представлены“. Какая участь постигла эти коллекціи, намъ неизвѣстно; только относительно минераловъ можно сдѣлать догадку, что въ надлежащія руки они не попали. Поповъ сообщаетъ о найденныхъ имъ въ урочищѣ Эрбюекъ-Хоболого золотисто-желтыхъ „самограпкахъ“, весьма отличающихся отъ лаксмановскихъ гроссуляровъ; между тѣмъ, въ минералогической литературѣ мы не встрѣчаемъ ни упоминанія пункта Эрбюекъ-Хоболого, ни указанія о нахожденіи на Вилюѣ подобныхъ гранатовъ.

Въ походномъ журналѣ*) Попова описаны встрѣчавшіеся на его пути рѣки, озера и урочища; ука-

*) Этотъ журналъ, съ соотвѣтствующими поясненіями, готовится мною къ печати. *И. Д.*

заны достопримѣчательности посѣщенныхъ мѣстъ; отмѣчены естественныя богатства края и промыслы жителей; очерчены районы кочеванія тонгусовъ и приведены интересныя для этнографовъ наблюденія надъ жизнью этого народа.

Въ предѣлахъ данныхъ ему способностей и силъ осуществилъ сержантъ Степанъ Поповъ поставленную передъ нимъ задачу; и я считаю долгомъ натуралиста вызвать изъ забвенія имя нашего соотечественника, труды котораго въ теченіе 122 лѣтъ не только не нашли должнаго вниманія, но—быть можетъ—въ значительной мѣрѣ уже совершенно погибли для потомства. Немногое, что осталось у насъ, нужно бережно сохранить для использованія спеціалистами. Въ этомъ будетъ необходимая дань нашего уваженія къ скромному, но добросовѣстному сибирскому изслѣдователю конца 18-го вѣка.

Казань, ноябрь 1916 г.

Я. Ходукинъ.

Верхнеудинскій смотритель училищъ А. П. Давыдовъ, какъ работникъ по „ученой части".

У меня подъ руками случайно оказалось „Дѣло о порученіяхъ по ученой части, не относящихся къ обыкновеннымъ дѣламъ службы". На „дѣлѣ" помѣтка: „началось 31 октября 1846 года". Когда же окончилось—свѣдѣній нѣтъ.

Въ этомъ „дѣлѣ" рѣчь идетъ „о порученіяхъ по ученой части", исполненныхъ штатнымъ смотрителемъ училищъ Верхнеудинскаго округа Дмитріемъ Павловичемъ Давыдовымъ.

30 сентября 1846 года Академія Наукъ пишетъ „коллежскому ассесору Давыдову".

„Академія Наукъ, считая полезнымъ распространить въ Россіи предпріятіе г-на Кетеле, непремѣннаго секретаря Брюссельской Академіи Наукъ, наблюдать періодическія явленія растительнаго и животнаго царствъ, обращается къ Вамъ, Милостивый Государь, съ просьбой принять участіе въ ученомъ союзѣ, обнимающемъ уже нынѣ большую часть обитаемой земли. Подробное наставленіе, составленное г-номъ Кетеле и переведенное съ нѣкоторыми измѣненіями, приспособленными къ Россіи, на русскій языкъ, и опись тѣхъ растеній и животныхъ, на которые особливо Русскіе наблюдатели должны обратить вниманіе, при семъ прилагается. Всѣ замѣчанія, которыя будутъ дѣлаться Вами по этому предмету, благоволите доставлять ежегодно въ Императорскую Академію Наукъ, которая будетъ принимать ихъ съ благодарностью и, напечатавъ, сообщитъ Академіи Брюссельской и вообще ученому свѣту.

Непремѣнный секретарь П. Фуссъ".

На это предложеніе Д. П. Давыдовъ 17 декабря 1846 года отвѣтилъ:

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь.

На предписаніе Императорской Академіи Наукъ,

*) Архивъ Верхнеудинскаго уѣзднаго училища.

послѣдовавшей на мое имя отъ 30 сентября за № 1392, обязанностію считаю донести Вашему Превосходительству, что я непремѣнно буду вести записку о періодическихъ явленіяхъ и съ окончаніемъ каждаго года представлять ее въ Академію.

Смѣю назваться

Вашего Превосходительства,

Милостивый Государь, и т. д.".

26 октября того же года Давыдовымъ получено еще письмо:

„Милостивый Государь, Дмитрій Павловичъ!

23 марта за № 106 просилъ я Васъ доставить ко мнѣ свѣдѣнія о словахъ, употребляемыхъ въ провинціяхъ. Нынѣ наступаетъ срокъ отсылки ихъ; почему я прошу Васъ, сколько есть у Васъ приготовлено провинціальныхъ словъ, употребляемыхъ въ Верхнеудинскѣ, а всего болѣе знакомыхъ Вамъ Якутскаго края, доставить ко мнѣ въ самомъ скорѣйшемъ времени.

Примите увѣреніе въ истинномъ къ Вамъ почтеніи покорнаго слуги М. Линденъ".

Затѣмъ въ 1847 году, Русское Географическое Общество обратилось къ Давыдову за содѣйствіемъ по доставленію „свѣдѣній о Россіи, географическихъ, статистическихъ и этнографическихъ", надѣясь на „доброхотное содѣйствіе Ваше по общеполезному дѣлу, которое можетъ быть использовано не иначе, какъ общими трудами и усиліями".

Въ 1848 году, повидимому, порученій не было.

Зато 14 мая 1849 года Давыдовымъ получено новое предложеніе;

„Милостивый Государь,

Дмитрій Павловичъ!

Русское Географическое Общество препроводило ко мнѣ нѣсколько экземпляровъ составленныхъ руководствъ для наблюденій надъ климатомъ и проситъ меня раздать эти наставленія лицамъ, способнымъ сообщить Обществу отвѣты удовлетворительные.

Вполнѣ увѣренный, что, по просвѣщенной любознательности и свѣдѣніямъ, Вы можете во мно-

гомъ споспѣшествовать цѣлямъ Общества и лично и приглашеніемъ къ тому другихъ лицъ, я препровождаю при семъ къ Вамъ: 1) 5 экземпляровъ краткихъ наставленій о собираніи свѣдѣній, служащихъ къ опредѣленію климата, 2) 3 экземпляра наставленія о собираніи и объясненіи географическихъ терминовъ, и 3) 3 экземпляра дополнительныхъ правилъ къ опредѣленію климата и имѣю честь просить покорнѣйше Васъ, оставивши по одному экземпляру означенныхъ наставленій у себя, остальные экземпляры раздать лицамъ, могущимъ по Вашему мнѣнію сообщать изложенныя въ наставленіяхъ свѣдѣнія, съ увѣреніемъ ихъ, что всякое сообщеніе ихъ будетъ принято Обществомъ съ полной признательностью и что Его Императорское Высочество, Августѣйшій Предсѣдатель Общества, обратитъ особенное вниманіе на доказательство просвѣщеннаго усердія ихъ къ изученію отечества, искренно имъ любимаго. Труды свои они могутъ препровождать въ Общество прямо отъ себя. При этомъ покорнѣйше прошу Васъ въ наивозможно скорѣйшемъ времени сообщить мнѣ подробные адресы лицъ, которыхъ Бы снабдите посылаемыми руководствами.

Съ истиннымъ моимъ къ Вамъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашъ покорный слуга К. Бобановскій*)".

25 мая того же года Давыдовъ сообщаетъ директору Бобановскому, что изъ присланныхъ пяти экземпляровъ наставленій онъ роздалъ только *три*. „Съ сожалѣніемъ я долженъ присовокупить, что мнѣ пока неизвѣстно здѣсь другихъ лицъ, на усердіе и добросовѣстность *которыхъ въ этомъ случаѣ* можно бы было положиться".

Весьма характерна переписка Давыдова съ Географическимъ Обществомъ, съ помѣткой „о предложеніи услугъ Обществу и о прочемъ".

„Въ Русское Географическое Общество".

Отъ 14 мая текущаго года я получилъ изъ дирекціи училищъ Иркутской губерніи нѣсколько экземпляровъ Наставленія о собираніи свѣдѣній, служащихъ къ опредѣленію климата и проч. съ

*) Директоръ народныхъ училищъ Иркутской губерніи.

предписаніемъ раздать ихъ лицамъ, могущимъ отвѣчать на печатные вопросы. Зная хорошо край и мѣстность, также имѣя вѣрное понятіе относительно обывателей, я призналъ полезнымъ раздать Наставленія: почетному гражданину Аполлону Курбатову, въ Верхнеудинскѣ; помощнику Баргузинскаго тайши Сахару Хампаеву, близъ заштатнаго города Баргузина,—какъ людямъ, имѣющимъ огромныя свѣдѣнія и по хозяйству и по другимъ, требующимъ объясненія, статьямъ; также учителю Верхнеудинскаго уѣзднаго училища Николаю Паршину, съ любовью занимающемуся изученіемъ нѣкоторыхъ естественныхъ произведеній. Смѣю свидѣтельствовать, что Географическое Общество можетъ вполнѣ положиться на добросовѣстность вышеисчисленныхъ лицъ; и долгомъ почитаю присовокупить, что я ограничился малымъ числомъ лицъ не безъ причины. Въ Верхнеудинскомъ округѣ нѣтъ болѣе никого, кто бы могъ отвѣчать на вопросы Общества съ надлежащей отчетливостію. Жители Сибири вообще отличаются особенною странностію: нужно только о чемъ нибудь спросить ихъ, чтобы дать имъ поводъ помистифировать*) неопытнаго наблюдателя. Тотчасъ откроются невиданныя и неслыханныя чудеса. Отсюда происходитъ то, что время отъ времени появляются въ журналахъ статьи, которыхъ нѣтъ возможности читать безъ самаго заразительнаго смѣха. Таковы гигантскія змѣи, медвѣди-пастухи, незамерзающія озера и проч. и проч. Вещь самая обыкновенная увеличивается представленіемъ въ особомъ видѣ и поражаетъ своею необычайностію; а изслѣдованіе на мѣстѣ тотчасъ покажетъ, что мнимое чудо можно встрѣтить вездѣ, на каждомъ шагу. Напротивъ того, о томъ, что дѣйствительно носитъ на себѣ печать занимательности, сибирякъ, по врожденной ему скрытности, никогда не скажетъ ни слова. Между тѣмъ, масса свѣдѣній, собранныхъ безъ надлежащей осмотрительности, не только ничего не объясняетъ; но прямо служитъ къ затемненію уже извѣстнаго; и подаетъ поводъ къ самымъ ошибочнымъ сужденіямъ. Все это я осмѣливаюсь высказать единственно изъ любви къ наукѣ, да и

*) Орѳографія подлинника. Я. Х.

то совершенно случайно, какъ бы невольно, при составленіи этой бумаги, потому что я имѣю слабость не обнаруживать моего мнѣнія или знанія тамъ, гдѣ его не спрашиваютъ.

Изъ избранныхъ мною лицъ г. Курбатовъ представилъ отвѣты въ Общество съ предыдущей почтой. Въ здѣшней почтовой конторѣ съ него за конвертъ взыскали вѣсовыя деньги, несмотря ни на какія убѣжденія въ незаконности этого взыска. Покорнѣйше прошу Общество сдѣлать распоряженіе, чтобы этого на будущее время не было: ибо плата за корреспонденцію можетъ заставить иныхъ любителей оставаться безмолвными.

Съ нынѣшнею почтой я отправляю конвертъ Хампаева, полученный изъ Баргузина. Если Обществу угодно будетъ къ нему писать, то нужно сдѣлать адресъ на мое имя или на имя Верхнеудинскаго окружнаго начальника, съ передачей Хампаеву: потому что въ Баргузинъ ходитъ только сельская почта, требующая особыхъ условій сдачи бумагъ. Скажу нѣсколько словъ о себѣ. Я, между прочимъ, занимался въ Якутскѣ разысканіями о замерзшемъ слоѣ земли, дѣлалъ геотермическія и метереологическія наблюденія и имѣлъ честъ получить о себѣ отзывъ господина адъюнкта академіи фонъ-Миддендорфа, читанный въ августѣ 1847 года. Таблицы моихъ наблюденій помѣщены въ Sibirische Preise фонъ-Миддендорфа. Не лишнимъ считаю прибавить, что я первый раскрылъ, какъ несновательно судили прежде о замерзшемъ слоѣ земли въ Якутскѣ, вѣря фальшивымъ донесеніямъ купца Шергина. Еще до прибытія въ Якутскъ ученой экспедиціи я былъ вынужденъ любовію къ справедливости открыть обманъ предъ ученымъ свѣтомъ, тѣмъ болѣе, что въ Англіи явно сомнѣвались въ сдѣланныхъ опредѣленіяхъ. Чувство національности заставило меня поспѣшить выдать незрѣлую и неокончившую статью, которая и была отчасти напечатана въ Берлинѣ. Впослѣдствіи точныя наблюденія подтвердили вполнѣ мои предположенія.

Вскорѣ по прибытіи въ Верхнеудинскъ, я занялся метеорологическими наблюденіями, и веду ихъ аккуратно и непрерывно съ 1 января 1847 г.

по настоящее время, четыре раза въ сутки. Въ моей обсерваторіи нѣсколько барометровъ, нормальныхъ и простыхъ термометровъ, приборъ плювіометра и проч. Влажность воздуха и давленіе паровъ опредѣляется превосходной работы психрометромъ. По окончаніи вычисленій изъ трехлѣтней сложности, я обнародую метереологическіе журналы. Наблюденія мои могутъ въ точности опредѣлить климатъ и высоты мѣста. Я слышалъ въ Иркутскѣ, что тамъ дѣлаетъ наблюденія учитель С. и потому хотѣлъ было принять ихъ въ основаніе при сравненіи мѣстностей здѣшней и Иркутской, но скоро убѣдился, что этого сдѣлать невозможно. Г. С. наблюдаетъ для формы; записки ведутся людьми вовсе чуждыми всякаго сознанія; время не измѣряется правильно, и нѣтъ точности въ его періодическомъ раздѣленіи. Въ Иркутскѣ думаютъ, что четверть и даже полчаса ничто въ вѣчности. Я со своей стороны полагаю, что лучше имѣть дурной метереологическій инструментъ (особенно въ здѣшнихъ широтахъ, гдѣ колебанія его слишкомъ быстры и ощутительны), котораго невѣрность всегда можно вычислить, чѣмъ невѣрные часы, которыхъ непостояннаго хода уловить невозможно, не говоря уже о неаккуратности при производствѣ самыхъ записей наблюденій. Масса цыфръ, начертанныхъ учительскимъ тщеславіемъ, дурное средство къ опредѣленію климата. Въ Якутскѣ купецъ Невѣровъ велъ для себя термометрическія записки; на нихъ можно еще основываться, потому что тутъ, при всей неточности, есть, по крайней мѣрѣ, добросовѣстность Все это высказалъ я для того, чтобы дать понятіе, каковы данныя для опредѣленія средней температуры и средняго давленія атмосферы въ извѣстномъ мѣстѣ.

Въ заключеніе, принимаю смѣлость предложить свои услуги Географическому Обществу, если оно удостоитъ меня какимъ-либо порученіемъ, сообразнымъ съ моей дѣятельностью и средствами, тѣмъ болѣе, что въ будущемъ 1850 году я намѣренъ посѣтить Баргузинскій край, сколько по службѣ, столько и для изслѣдованія температуры его ключей и другихъ замѣчательныхъ явленій. Я бы могъ войти объ этомъ съ просьбою въ Общество ранѣе,

но грубо ошибался, думая прежде, что изслѣдованія его сосредоточиваются собственно въ областяхъ Русскихъ, и не разливаются на прочія части Россійской Имперіи.

3 января 1850 года Русское Географическое Общество, за подписью Ѳ. Литке, благодаритъ Давыдова за свѣдѣнія, „могущія служить къ опредѣленію климата“ и „съ живѣйшей благодарностью пріемлетъ вызовъ сообщить свѣдѣнія о Баргузинскомъ краѣ“.

13 декабря 1850 года управляющій губерніей Карпинскій пригласилъ Давыдова къ участію въ „собраніи и доставленіи въ Иркутскъ для учреждаемаго здѣсь музеума предметовъ природы, искусства, промышленности и проч.“.

Въ августѣ 1851 года полковникъ генеральнаго штаба Кальмбергъ, „во исполненіе предписанія г. генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Императорскаго Величества“, прислалъ программу „Дополнительныхъ свѣдѣній для составленія военно-статистическаго описанія Иркутской и прочихъ губерній и областей Восточной Сибири“. Въ этой программѣ, между прочимъ, есть и такой параграфъ: „взглядъ на нравственность учителей въ городахъ губерніи“. Сельскіе учителя почему то обойдены такимъ вниманіемъ.

Весьма интересно обращеніе Кавказскаго Отдѣла Географическаго Общества, въ іюлѣ 1852 года.

„Кавказскій отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества проситъ Сибирскій Отдѣлъ*) разрѣшить вопросъ, предложенный высокопреосвященнымъ Исидоромъ, экзархомъ Грузіи: не однородно ли племя Кавказскихъ Удиновъ съ Сибирскими Удинами, обитающими Удской край. И для сравненія нарѣчій обоихъ народовъ препроводилъ Удо-Русскій Словарь. Сибирскій отдѣлъ, при разсмотрѣніи и обсужденіи этого вопроса, нашелъ, что въ Сибири племени собственно называемаго удинами не имѣется, что Удскій край получаетъ свое названіе отъ рѣки Уды, а обитаютъ этотъ край тунгусы; что кромѣ этой рѣки Уды, имѣется еще рѣка Верхняя и Нижняя Уда, по бе-

*) Сибирскій Отдѣлъ направилъ эту бумагу „члену-сотруднику Д. П. Давыдову“.

регамъ которыхъ живутъ буряты и карагасы. Слiяніе нарѣчій этихъ народовъ съ Кавказско-Удскимъ будетъ произведено по полученіи сборниковъ словъ, имѣющихъ быть составленными отъ всѣхъ народовъ, обитающихъ въ Восточной Сибири. Но такъ какъ по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ составленіе этого сборника замедлилось, Сибирскій Отдѣлъ для скорѣйшаго исполненія взятой на себя обязанности положилъ: разослать копіи съ полученнаго отъ Кавказскаго Отдѣла краткаго Удо-Русскаго Словаря въ Удскій край, въ Верхнеудинскѣ и Нижнеудинскѣ, и на Бирюсинскіе золотые промысла, и просить находящихся тамъ членовъ-сотрудниковъ написать эти слова на языкѣ тамошнихъ урожденцевъ".

Въ отвѣтъ на это обращеніе, Д. П. Давыдовъ, въ августѣ 1854 года, пишетъ:... „Я просилъ казачьяго сотника Анфиногена Бѣломѣстныхъ, хорошо знающаго нарѣчіе мѣстныхъ инородцевъ, выставить русскими буквами въ Удо-Русскомъ словарѣ бурятскія слова, что имъ и исполнено. Тщательно перевѣривъ работу г. Бѣломѣстнаго, я при семъ вышеупомянутый словарь имѣю честь почтеннѣйше представить въ Отдѣлъ Общества.

Смѣю присовокупить, что слово „Удскій край" введено въ употребленіе въ недавнее время. Тамошняя мѣстность—Удское, Удскій острогъ, отъ рѣки Уды и приписанное къ нему въ административномъ порядкѣ пространство--обитается тунгусами и, отчасти, якутами; племени же, называемаго удинами, тамъ никогда не существовало и не существуетъ. Сколько по географическому положенію края, столько по образу жизни, свойству и характеру удскіе рабочіе и кочующіе инородцы ничего общаго не могутъ имѣть съ Кавказскими удинами. Притомъ же предложенный сборникъ словъ не совсѣмъ отвѣчаетъ предназначенной цѣли: люди, чуждые цивилизаціи не знаютъ ни отвлеченностей, ни гастрономическихъ продуктовъ. Жизнь ихъ сосредоточивается въ знаніи дикой мѣстности, звѣропромышленности и уходѣ за домашними животными. Въ этомъ смыслѣ языки ихъ имѣютъ значительное развитіе и здѣсь должно бы искать разрѣшенія предполагаемому сродству племенъ. Съ

такою цѣлью я, между прочимъ, напечаталъ въ Берлинѣ свой краткій Якутско-Русскій Словарь въ журналѣ Эрмана".

Въ октябрѣ 1852 года Сибирскій Отдѣлъ поручаетъ Давыдову наблюденіе солнечнаго затменія.

Въ 1853 году предсѣдательствующій Отдѣла К. Венцель проситъ по „исправленнымъ программамъ для описанія округовъ" „выбрать для описанія по собственному желанію" мѣстность и тѣмъ „содѣйствовать цѣли Отдѣла". Одновременно съ этимъ Давыдовъ получилъ и „выписку" изъ протокола засѣданія „Комитета Сибирскаго Отдѣла", гдѣ, между прочимъ, говорится:

„Изъ присутствующихъ членовъ обѣщали представить:

а) дѣйствительный членъ Б. П. Струве—описаніе Аларскаго вѣдомства, по программѣ;

б) дѣйствительный членъ Н. Д. Свербеевъ—описаніе земель четырехъ сотенъ Иркутскаго казачьяго полка, по программѣ;

в) членъ-сотрудникъ А. П. Заборинскій подробное описаніе долины рѣки Джиды;

г) членъ-сотрудникъ Р. К. Маакъ—подробное описаніе въ естественномъ отношеніи р. Ангары отъ Байкала до Иркутска;

д) членъ-сотрудникъ В. В. Кисметъ—описаніе р. Ангары отъ Иркутска до соединенія ея съ Енисеемъ;

ж) членъ-сотрудникъ Н. Н. Бакшевичъ—описаніе р. Иркута вверхъ по теченію;

з) членъ-сотрудникъ Перминовъ—топографическое и геогностическое описаніе вершинъ рѣкъ, вытекающихъ изъ Тункинскаго хребта;

и) членъ-сотрудникъ Н. А. Веренковъ—маршрутныя карты по Забайкальской и Бирусинской тайгѣ;

і) членъ-соревнователь Соловьевъ—маршрутныя карты отъ Магинской станціи по Олекминской тайгѣ на разные золотые промыслы".

Кромѣ того, Сибирскій Отдѣлъ постановилъ просить слѣдующихъ членовъ о доставленіи описаній:

а) „дѣйствительнаго члена В. К. Падалку—описаніе Заледѣевской волости, Красноярскаго округа, по программѣ;

б) дѣйствительнаго члена К. П. Григорьева—описаніе Кангаласскаго улуса, Якутскаго округа, по программѣ;

в) члена-сотрудника Д. П. Давыдова—описаніе города Верхнеудинска;

г) члена-сотрудника Ф. К. Лепинга—маршрутныя карты по Минусинской тайгѣ".

Въ томъ же 1853 году К. Венцель снова пишетъ Давыдову. „Въ 24 верстахъ отъ Верхнеудинска, по дорогѣ въ Селенгинскъ, между Лухотской и Кличевской станціями, влѣво отъ дороги въ 100 саженяхъ, находится кругъ, составленный изъ плитняка, вродѣ жертвенника, на которомъ имѣются надписи. Имѣя въ виду, что эти мѣста въ недальнемъ разстояніи отъ Верхнеудинскаго, Сибирскій Отдѣлъ имѣетъ честь Васъ покорнѣйше просить *подвергать эти остатки древностей* (и другіе подобные, если тамъ встрѣтятся) *Вашему просвѣщенному участію*".

Черезъ 3 мѣсяца снова письмо за подписью Ил. Сельскаго: „по порученію Предсѣдателя Отдѣла, его превосходительства Карла Карловича Венцеля, покорнѣйше Васъ прошу принять на себя трудъ и, по возможности, объяснить вопросъ, предложенный Вамъ, отъ 29 іюня сего года, относительно кургана, находящагося въ 24 верстахъ отъ Верхнеудинска, *чѣмъ Вы изволите оказать большую услугу какъ Отдѣлу, такъ и его превосходительству, который въ особенности интересуется собраніемъ всѣхъ возможныхъ свѣдѣній, относящихся къ археографіи*".

Въ 1854 году Сибирскій Отдѣлъ, „распредѣливъ, по случаю вакаціоннаго времени, ученыя занятія между своими сочленами", проситъ Д. П. Давыдова „въ особенности заняться изысканіемъ остатковъ древностей, аборигеновъ Верхнеудинскаго края. Очень интересно будетъ окончательное увѣдомленіе о тѣхъ намогильныхъ плитахъ, которыя Вы нашли въ Селенгинской степи".

Въ январѣ 1855 года Давыдовъ шлетъ въ Сибирскій Отдѣлъ „замѣтку о началѣ и развитіи хлѣ-

бопашества въ Якутской области", „составленную по извѣстіямъ, лично мною провѣреннымъ, и за достовѣрность которыхъ я принимаю на себя полную отвѣтственность. Смѣю присовокупить, что я желалъ бы, если Отдѣлъ благоволитъ, чтобы замѣтка эта была напечатана въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ".

Въ маѣ того же года Сибирскій Отдѣлъ, препровождая Давыдову „открытое предписаніе, подорожную бланку и, сверхъ сего, особыя предписанія Хоринской и Селенгинской Степнымъ Думамъ объ оказываніи всякаго законнаго содѣйствія и помощи въ предпринимаемыхъ трудахъ", снова проситъ „принять на себя трудъ относительно осмотра древнихъ могилъ аборигеновъ Забайкальскаго края".

Далѣе излагается цѣлая инструкція и весьма характерная.

„Здѣсь не лишнимъ Отдѣлъ почитаетъ сказать, что, если при раскапываніи древнихъ могилъ въ нѣкоторыхъ инородческихъ мѣстахъ окажется со стороны бурятъ, по ихъ вѣрованію, сопротивленіе въ открытіи подземныхъ останковъ, въ такомъ случаѣ *благоразуміе требуетъ не домогаться дѣлать это усильно*, а лучше оставлять и ѣхать въ иныя мѣста. При вскрытіи подземныхъ склеповъ, прежде всего обращать вниманіе на останки костей, изъ нихъ въ особенности брать должно *черепа**), если только они сохранились; истлѣвшіе ни въ какомъ случаѣ не брать. Черепа эти брать такимъ образомъ, чтобы никто не могъ замѣтить, а инородцевъ *должно завѣрить*, что для Отдѣла *только нужны вещи*. Всѣмъ вещамъ, которыя будутъ вынуты изъ могилы, какъ то: золотыя, серебряныя, мѣдныя, желѣзныя, каменныя, деревянныя и проч., Вы должны составить подробныя описанія объ ихъ мѣстонахожденіи, видѣ и формѣ кургановъ, подземное устройство, и наконецъ, по возможности, собирать историческіе разсказы, легенды, сказки инородцевъ и проч.

Предметы, извлеченные Вами изъ нѣдръ земли, Вы должны тщательно укупорить въ хорошіе

---

*) Курсивъ подлинника. Я. Х.

ящики и немедленно отсылать при отношеніяхъ въ Сибирскій Отдѣлъ.

При своемъ обозрѣніи, Отдѣлъ покорнѣйше Васъ проситъ непремѣнно вести дорожныя записки, и замѣчать дорогою, кромѣ прямого Вашего предмета, и другія достопримѣчательности въ географическомъ, статистическомъ, этнографическомъ и естественномъ отношеніяхъ.

Если на этотъ первый разъ попытки Ваши будутъ успѣшны, то Отдѣлъ особеннымъ долгомъ почтетъ уплатить Вамъ Ваши путевыя издержки, ежели они не будутъ превышать наши скудныя средства".

Отъ 2 августа 1855 года имѣется слѣдующее донесеніе Давыдова. „Во исполненіе предписанія Отдѣла, я началъ въ Верхнеудинскомъ округѣ разысканіе древностей, которое теперь пріостановилось за невозможностью имѣть работниковъ по случаю страднаго времени.

Оставляя составленіе подробнаго рапорта объ открытіяхъ до совершеннаго окончанія предпринятыхъ мною работъ, при семъ имѣю честь представить въ Отдѣлъ найденныя мною вещи: 1) спираль изъ самаго чистѣйшаго и чрезвычайно мягкаго золота, вѣсомъ два съ половиною золотника; 2) болѣе 150 четковъ изъ известняковаго вещества, а равно и обломки ихъ; 3) нѣсколько сохранившихся обрывочковъ прядей снурка, на которомъ были нанизаны вышеупомянутыя четки; 4) два желѣзныхъ испорченныхъ ржавчиною острія отъ стрѣлъ; 5) камень съ начертаніями на немъ, взятый съ одной изъ древнихъ насыпей.

Смѣю присовокупить, что сдѣланныя уже мною разработки мнѣ кажутся могущими привести къ *интереснымъ заключеніямъ**); и что, кромѣ того, я снялъ съ одного утеса четыре древнихъ надписи, точное изображеніе которыхъ будетъ представлено въ Отдѣлъ при подробномъ рапортѣ объ исполненіи возложеннаго на меня порученія".

Въ ноябрѣ 1855 года Давыдовъ прислалъ въ Отдѣлъ „весьма хорошо сохранившійся (кромѣ переднихъ нижней челюсти зубовъ) человѣческій

---

*) Курсивъ подлинника. Я. Х.

черепъ, вынутый изъ насыпи на берегу Уды между Куленьгою и Тарабогатайскою станціями, гдѣ онъ найденъ въ совершенно опрокинутомъ положеніи (то-есть теменемъ внизъ), а ручныя и поясныя кости выше его, и 2 желѣзныя удила, найденныя въ одной изъ насыпей между Мухиною и Ключевской станціями".

Въ декабрѣ того же года Давыдовъ представилъ „перечень работъ по открытію памятниковъ Забайкальскихъ аборигеновъ".

„Смѣю присовокупить",—пишетъ онъ,—что я работалъ усердно и добросовѣстно; журналъ велъ вѣрно; но представляю не ученую статью, а только простой перечень разысканіямъ, которыя Отдѣлъ почтитъ меня принять къ свѣдѣнію. Я сдѣлалъ столько, сколько позволяли мои средства, время и обстоятельства, хотя и хотѣлъ бы сдѣлать болѣе. Я сознаю, что работы мои недостойны ученаго вниманія Отдѣла; но зато описаніе ихъ носитъ на себѣ печать безукоризненной истины".

Перечень Отдѣломъ былъ „утерянъ" и въ 1856 году Давыдову пришлось выслать „дублетъ".

Затѣмъ, въ маѣ 1856 года Давыдовъ прислалъ въ Отдѣлъ небольшую статью „Обонъ, съ переводомъ при ней похвальной рѣчи лучшей бѣговой лошади", съ такимъ замѣчаніемъ: „долгомъ почитаю присовокупить къ свѣдѣнію Отдѣла, что изъ числа двухъ, представленныхъ мною въ оный въ прошломъ году (еще какъ должно необработанныхъ) статей, одна—„Сказка о старцѣ Алтачи" взята съ устныхъ разсказовъ Баргузинскихъ бурятъ; а другая—„Чидито-Кыгуръ" переведена изъ монгольской книги".

Въ октябрѣ 1856 года Давыдовъ получаетъ отъ редакціи Сибирской газеты „Золотое Руно"*) предложеніе „удостоить нынѣ же сообщеніемъ въ редакцію этой газеты всѣхъ собранныхъ вами или находящихся у васъ подъ рукою свѣдѣній о Сибири и статей достойныхъ общей извѣстности. Каждый добросовѣстный трудъ, могущій служить къ распространенію въ публикѣ истинныхъ понятій о ученой, торговой, хозяйственной и промышленной

*) Въ С.-Петербургѣ.

дѣятельности этого края, редакція принимаетъ съ признательностью и по напечатаніи немедленно высылаетъ автору деньги".

Въ декабрѣ того же года Давыдовъ послалъ въ эту газету двѣ статьи, но заглавія ихъ не сохранилось.

Въ мартѣ 1857 года туда же направилъ статью „Мои старыя неудачи", а въ маѣ—„Сонетъ" и „Жиганская Аграфена".

На этомъ кончаются, къ сожалѣнію, мои свѣдѣнія „о порученіяхъ и занятіяхъ по ученой части, не относящихся къ обыкновеннымъ дѣламъ службы Давыдова".

Какъ видно, маленькій труженикъ съ большой любовью относился къ своимъ „порученіямъ и занятіямъ". Но не всегда шло у него гладко. Статья „Мои старыя неудачи", надо полагать, навѣяна тѣми терніями и волчцами, которые пришлось испытывать Давыдову на своемъ скромномъ пути. А терніи были.

Давыдовъ до Верхнеудинска служилъ въ Якутскѣ, откуда, уѣзжая, взялъ съ собою метеорологическіе инструменты и часть необходимыхъ книгъ, справедливо полагая, что на новомъ мѣстѣ ему, любителю наблюденій, онѣ пригодятся. Возникла переписка съ натаціями отъ начальства. Книги и инструменты пришлось вернуть.

Но жажда наблюденій свое брала: Давыдовъ попросилъ Иркутскую гимназію оказать ему въ этомъ отношеніи свое содѣйствіе. Гимназія выслала инструменты, но въ дорогѣ часть вещей разбилась. Давыдовъ рапортомъ донесъ объ этомъ директору, который въ очень грубой формѣ сдѣлалъ выговоръ Давыдову, считая его виновникомъ порчи инструментовъ. Давыдовъ прислалъ директору интересное объясненіе.

„Ваше высокородіе изволили замѣтить, 1) что метеорологическіе инструменты могли скорѣе изломаться при раскрытіи ящика, въ которомъ они были закупорены, чѣмъ прм перевозкѣ ихъ: 2) что произведенныя и имѣющія производиться мною наблюденія *негодны* за неимѣніемъ средствъ для опредѣленія степени влажности воздуха и пр.; и

3) что такія вещи поручаются *знающимъ* дѣло людямъ, снабженнымъ всѣми инструментами.

На это принимаю смѣлость донести вошему высокородію слѣдующее.

1. Инструменты не могли повредиться при раскупоркѣ, ибо крышка ящика, въ которомъ они находились сорвалась прежде, чѣмъ я ихъ получилъ. Истину этого можетъ подтвердить учитель г. Паршинъ. Когда же ваше высокородіе удостоите посѣтить училище, то я представлю на личное ваше благоусмотрѣніе и ящикъ и испорченные инструменты: тогда справедливость моего донесенія докажется неоспоримо.

2. Отъ ученой Сибирской экспедиціи мнѣ, между прочимъ, сдано 2 барометра, 3 нормальныхъ (цѣною отъ 60 до 100 руб. сер. за одинъ) термометра съ дѣленіемъ до одной десятой части градуса, 23 термометра съ резервуарами, залитыми саломъ, для геотермическихъ изслѣдованій, полный экземпляръ плювіометра (два отдѣльныхъ инструмента съ одною общею мѣрою) и мѣрная флюгарка. Изъ 2-хъ нормальныхъ термометровъ былъ составленъ психрометръ, посредствомъ котораго опредѣлялось давленіе паровъ и сырость воздуха. Метеорологическія наблюденія производились посредствомъ 8 постоянно дѣйствовавшихъ разныхъ инструментовъ по 4 раза въ сутки, и дневной журналъ имѣлъ 15 графъ По соединеніи метеорологическихъ наблюденій съ геотермическими получены, между прочимъ, слѣдующіе результаты: а) зимою воздухъ въ Якутскѣ совершенно насыщенъ парами, почти вовсе лишенными упругости. б) Якутскъ есть полюсъ холода и, можетъ быть, единственный пунктъ на землѣ, гдѣ термометръ можетъ стоять такъ низко. Достовѣрно извѣстно, что вблизи отъ этого города уже нѣтъ такихъ морозовъ, которые поражаютъ здѣсь своей необычайностью. Обыкновенные термометры опускались до—48,° а какъ они въ жестокіе холода стоятъ двумя градусами выше нормальныхъ, то можно съ достовѣрностью сказать, что въ Якутскѣ бываетъ—50°R. с). Въ Якутскѣ фокусъ или центръ мерзлой глыбы земли; радіусъ ея до 500 верстъ; толстота въ долинѣ Якутской 600, внѣ этой долины, даже близъ города, 300, а въ разстояніи 200

верстъ оттуда—не болѣе 200 анг. футовъ. d) Средняя годовая высота барометра=593,4353 англ. полулиній; средняя годовая температура=8,7110°R. e) Точка постоянной температуры земли въ Якутскѣ, соотвѣтствующей средней годовой, лежитъ между 20 и 50 ф. глубины. Ниже 50 футовъ термометры ни зимою, ни лѣтомъ не колеблются. f) Мерзлая глыба образовалась отъ наносовъ и постепеннаго накопленія земли. g) Вѣтры въ Якутскѣ рѣдки: здѣсь они начинаются. h) Быстрое прозябаніе всѣхъ растеній вообще*) . . . . . .

. . . . . .

i) Ртуть и винный спиртъ въ термометрахъ расширяются совершенно одинаково. Формула Д, противорѣчащая этому положенію, фальшива и окончательно опровергается многочисленными соотвѣтствующими наблюденіями.

3. Готовясь для ученыхъ занятій, я просилъ Императорскій Московскій университетъ о сдѣланіи мнѣ экзамена на степень кандидата чистой матиматики и физики и другихъ относящихся къ онымъ наукъ; и вслѣдствіе предписанія, отъ 26 января 1831 г. № 70, долженъ бы явиться въ университетъ, но недостатокъ денежныхъ средствъ не позволилъ мнѣ достичь желаемаго.

4) Первая мысль о невѣрности понятія ученыхъ на счетъ мерзлаго слоя земли принадлежитъ мнѣ, что доказывается статьею моею, напечатанною въ Берлинѣ. Предположенія мои оправдались на дѣлѣ. Отсюда слѣдуетъ, что у меня есть и средства и немного (смѣю думать) знанія для правильныхъ, полныхъ и точныхъ наблюденій».

Какой получился отвѣтъ, и получился ли на эту достойную отповѣдь—изъ дѣла не видно.

*) Неразборчиво Я. Х.

А. Боголѣповъ.

Изъ Булунскаго архива.

Судьба закинула меня на далекій сѣверъ, въ Якутскую область, Верхоянскій округъ, въ селеніе Булунъ на р. Ленѣ. Булунъ находится въ 200 вер. отъ Сѣвернаго Ледовитаго океана. Точное географическое положеніе Булуна—70°45′ сѣв. шир. и 127°43′ вост. долг. отъ Гринвича.

Булунъ является узловымъ пунктомъ для движенія казенной и купеческой клади для всего Верхоянскаго округа. Черезъ Булунъ же казенная кладь мука, соль, крупа, порохъ и свинецъ) отправляется и въ Колымскій округъ. Въ Булунѣ живетъ полицейская власть въ лицѣ земскаго засѣдателя и нѣсколько казаковъ Якутскаго казачьяго пѣшаго полка. Участокъ земскаго засѣдателя громадный. Устьянскъ (на о. Янѣ) и Русское Устье (на р. Индигиркѣ въ 2000 в. отъ Булуна) находятся въ вѣдѣніи земскаго засѣдателя. Булунъ издавна служитъ мѣстомъ ссылки для политическихъ.

Населеніе Булуна состоитъ изъ инородцевъ—якутовъ и русскихъ, которыхъ не болѣе 20%. Большинство занимается торговлей въ разъѣздъ по стойбищамъ инородцевъ. Въ зимнее время населеніе Булуна достигаетъ солидной для этого уголка цифры въ 200—220 человѣкъ.

Въ лѣтнее время Булунъ пустѣетъ почти на $^2/_3$. Купцы со всѣми домочадцами съ первымъ пароходомъ уѣзжаютъ съ собранной за зиму пушниной и мамонтовыми бивнями въ г. Якутскъ и возвращаются только осенью съ новыми товарами для торговли. Часть же населенія отправляется въ дельту р. Лены на рыбные промысла. Остаются только тѣ, которые по своимъ служебнымъ обязанностямъ не могутъ покинуть Булунъ, да оставшіеся домовничать и... ссыльные.

Русское коренное населеніе Булуна почти слилось съ окружающей ихъ средой инородцевъ-якутовъ. Вѣрованіе, бытъ, языкъ, одежда и пр. и пр.,—

все заимствовано отъ якутовъ. Оставаясь христіанами, они вѣрятъ и въ силу шамана, и я знаю случаи, когда шаманъ приглашался къ больнымъ русскими, хотя въ Булунѣ и имѣется постоянный фельдшерскій пунктъ (послѣдніе 4 года—акушерка-фельдшерица). Говорить булунцу по-русски страшно трудно, роднымъ его языкомъ скорѣе можно считать якутскій. Если соберутся два—три булунца вмѣстѣ, то никогда не говорятъ по-русски, а только по-якутски. Не знающій якутскаго языка будетъ чувствовать себя среди булунцевъ, какъ въ лѣсу, что и пришлось испытать на себѣ пишущему эти строки.

На второй годъ своего невольнаго пребыванія въ Булунѣ я случайно узналъ, что въ Жиганской инородной управѣ*) хранится архивъ Устьоленскаго крестьянскаго общества. Тогда же я получилъ доступъ къ архиву. Архивъ старинный, въ немъ имѣются акты начала XVIII стол. Большинства ихъ я не въ состояніи былъ прочесть—писано полууставомъ. Архивъ находится въ плохомъ состояніи. Много бумагъ полуистлѣло, покрылось плѣсенью, изъѣдено мышами и т. д. Архивъ хранится въ сыромъ мѣстѣ, на него часто протекаетъ дождь Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и отъ архива останется одно воспоминаніе, а архивъ очень цѣнный для исторіи.

(Съ нѣкоторыхъ рукописей половины и конца XVIII ст. и начала XIX стол. мной сняты копіи.

Кто бы могъ думать, что отголоски польскаго возстанія 1830—31 гг. докатятся до береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана! Устьоленскъ, куда адресованы лежащія передо мной копіи бумагъ, находится въ устьѣ р. Оленёкъ, въ 70 в. отъ открытаго океана.

1.

Секретно.

Усть-Оленскому крестьянскому старостѣ.

3 октября 1833 года, № 1. Приговоренный къ ссылкѣ въ Сибирь въ каторжную работу, польскій мятежникъ

*) Верхоянскій округъ раздѣляется на 4 инородческихъ улуса: Верхоянскій, Жиганскій, Устьянскій и Эльгетскій. Самый громадный изъ нихъ Жиганскій, на территоріи котораго и находится Булунъ.

Шклинскій**) донесъ Государю Императору, что двое поляковъ, изъ коихъ одинъ находиться въ Варшавѣ въ школѣ подпрапорщиковъ, а другой студентъ, отправились въ Сибирь, въ намѣреніи произвести тамъ возмущеніе, распространяя вѣсть, что блаженныя памяти Государь Цесаревичъ не умеръ и что поляки сіи отправились въ Сибирь съ россійскими паспортами.

Отношеніемъ г. управляющій III отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, увѣдомляя о семъ г. генералъ-губернатора Восточной Сибири, проситъ его приказать учинить по ввѣреннымъ ему губерніямъ точнѣйшее розысканіе по содержанію означеннаго показанія преступника Шклинскаго.

Г. Якутскій областной начальникъ, получивъ о семъ предложеніе г. исправляющаго должность Иркутскаго гражданскаго губернатора, предписываетъ мнѣ дѣлать по ввѣренной управленію моему округѣ надлежащее къ исполненію вышеобъясненнаго распоряженія и о послѣдующемъ ему донести.

Съ прописаніемъ вышеписаннаго предписываю тебѣ, староста, сдѣлать по обществу своему точнѣйшее розысканіе, не находятся-ли означенные поляки и что окажется, немедленно донести, имѣя наблюденіе и на будущее время и, въ случаѣ открытія ихъ, взявъ подъ строгій надзоръ, мнѣ тогда же донести.

Окружный исправникъ Атласовъ.
Помощникъ Бочеровъ.

2. *Секретно.*

Усть-Оленскому крестьянскому старостѣ Урванцеву.

13 января 1834 года, № 14. Послѣ полученныхъ мною отъ бывшаго областного начальника двухъ предписа-

**) Можно въ рукописи прочитать и какъ «Чпклинскій», но я болѣе склоняюсь къ «Шклинскій». А. Б.

ній для розысканія, по доносу преступника Шклинскаго о двухъ полякахъ, отправившихся въ Сибирь, съ зловреднымъ намѣреніемъ, нынѣ г. управляющій областію предписываетъ: послѣдствія оказали 1-е, помянутые поляки прозываются Олеховскій и Янчевскій, примѣты же ихъ: Олеховскій 24 лѣтъ, росту 2 аршина 4 вершка, волосы на головѣ и бровяхъ черные, и Янчевскій 26 лѣтъ, росту 2 аршина 3 вершка, лицомъ кругловатъ, волосы на головѣ темнорусые; и 2-е, что по Ишимскому округу Тобольской губерніи въ іюнѣ мѣсяцѣ проѣзжалъ съ выданнымъ изъ Минскаго уѣзднаго казначейства отъ 20 апрѣля (№ 769) паспортомъ живущій на землѣ Хрептовича старообрядецъ Евдокимъ Павловъ, который объявлялъ въ Абатскомъ волостномъ правленіи, что ѣдетъ въ Иркутскъ, къ сосланному на поселеніе отцу своему для свиданія, почему и предписываетъ о усугубленіи секретныхъ розысканій по дѣлу сему.

Вслѣдствіе чего извѣщая о семъ, для соображенія двухъ предписаній, послѣдовавшихъ отъ меня тебѣ 3 числа октября и 30 ноября минувшаго 1833 года за № 17 и 25, я предписываю усугубить всевозможное стараніе по обществу своему и секретныя розысканія по означенному дѣлу, и о послѣдующемъ мнѣ немедленно донести.

Окружный исправникъ Петръ Атласовъ.

Помощникъ Бочеровъ.

3.

Секретно.

Устьоленскому крестьянскому старостѣ Урванцеву.

13 генваря 1834 года, № 7.

Уроженецъ царства Польскаго Эдуардъ Галачинскій, начальствовавшій шайкою злоумышленниковъ, бывъ недавно схваченъ въ Бродахъ Австрійскимъ пра-

вительствомъ вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ его сообщниковъ, но вскорѣ потомъ учинилъ неизвѣстно куда побѣгъ.

Г. управляющій Якутскою областію, препровождая ко мнѣ списокъ съ препровожденнаго къ нему отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ примѣтъ означеннаго Галачинскаго (называвшаго себя то Главаченскимъ, то Галчесскимъ), предписываетъ принять дѣятельныя мѣры къ отысканію и задержанію сего злоумышленника, если-бъ онъ появился въ предѣлахъ Якутской области.

Вслѣдствіе чего, препровождая при семъ примѣты означеннаго Галачинскаго, предписываю тебѣ старостѣ къ надлежащему посему исполненію, и о послѣдствіи мнѣ немедленно донести.

Окружный исправникъ Петръ Атласовъ.

Помощникъ коллежскій секретарь Бочеровъ.

Описаніе примѣтъ *Эдуарда Галачинскаго:* лѣтъ 22, ростъ средній, тѣлосложеніе слабое, лицо бленное правильное, глаза темные, волосы на головѣ, усахъ и бакенбардахъ темнорусые. Особыхъ примѣтъ не имѣетъ. Одежда: темно сѣрые сюртукъ и панталоны и синяя польская фуражка.

4.

Секретно.

Господину Верхоянскому окружному исправнику.

Устьоленскаго крестьянскаго старосты донесеніе. Марта 1834 года.

Во исполненіе предписаніевъ вашего благородія, отъ 30 ноября 1833 года и отъ 13 генваря настоящаго года за № 17, 25, 7, 14 и 21, вашему благородію симъ покорнѣйше донесть честь имѣю, что по секретному моему розысканію по всему Устьоленскому обществу двухъ поляковъ Олеховскаго и Янчевскаго, отправившихся въ Сибирь съ намѣреніемъ сдѣлать возмущеніе, равно и уроженца царства Поль-

скаго Эдуарда Галачинскаго, начальствовавшаго шайкою злоумышленниковъ, нигдѣ не оказалось. А въ случаѣ явки изъ нихъ кого-либо, предписанное въ точности исполнено быть имѣетъ.

Подписей нѣтъ.

Какъ видно изъ „донесенія" Устьоленскаго старосты, имъ были получены по данному вопросу еще бумаги за №№ 25 и 21, но этихъ бумагъ въ архивѣ не оказалось, хотя я дважды просматривалъ всѣ дѣла очень внимательно. Очевидно, бумаги утеряны.

Въ томъ же архивѣ я нашелъ именной списокъ крестьянъ „мужескаго пола" Устьоленскаго общества, составленный старостою Черепановымъ 17 февраля 1817 года; изъ этого списка видно, что обществомъ доставлялись рекрута. Такъ, въ 1784 г. былъ отданъ въ рекруты Иванъ Хорошевъ; въ 1791 г.—Филиппъ Черепановъ; въ 1795 г.—Федоръ Борисовъ и въ 1807 г.—Егоръ Черепановъ. Изъ того же списка видно, что въ 1817 г. числилось мущинъ (съ дѣтьми мужескаго пола) 35 человѣкъ*).

Въ настоящее время уроженцевъ Верхоянскаго округа на военную службу совершенно не берутъ.

---

*) Въ 1915 г. количество жителей Устьоленскаго крестьянскаго общества обоего пола числилось 29 душъ, изъ коихъ трудоспособныхъ мужчинъ отъ 18 до 50 лѣтъ только 8 человѣкъ. *А. П.*

В. А. Ватинъ.

Восточная Сибирь въ началѣ XIX вѣка.

Отчетъ губернатора Трескина объ управленіи Иркутскою губерніею съ 1806 по 1812 годъ.

(*Продолженіе**).

Устройство сельскаго и иновѣрческаго населенія.

Введеніе порядка по волостнымъ правленіямъ и иновѣрческимъ сугланамъ.

Между прочими важнѣйшими предметами, входящими въ обязанность званія моего, не оставилъ я обратить вниманія на сельское управленіе. Съ самаго вступленія моего въ управленіе губерніею чрезъ командированныхъ мною внезапно довѣренныхъ чиновниковъ удостовѣрялся я о порядкѣ, въ какомъ находится здѣсь сельское управленіе; неоднократно и по многимъ селеніямъ усмотрѣны были слѣдующіе непорядки и злоупотребленія: при волостныхъ правленіяхъ и иновѣрческихъ сугланахъ, или конторахъ не было вовсе заведено шнуровыхъ книгъ для сбору денегъ на повинности и выпискѣ въ расходъ, въ нѣкоторыхъ же хотя и заведены были, но записанный въ оныхъ приходъ и расходъ денегъ столь были запутаны и темны, что нельзя было узнать, законно ли употреблены деньги; да и расписокъ въ полученіи оныхъ отъ пріемщиковъ не взято—сборъ сей производимъ былъ безгласно, а не по мірскимъ приговорамъ, какъ узаконено.

По нѣкоторымъ волостнымъ правленіямъ и у иновѣрческихъ начальниковъ для производства письменныхъ дѣлъ употреблялись ссыльные и другіе развратнѣйшаго поведенія и подозрительнѣйшіе.

*) См. „Сиб. Лѣтопись“ за 1916 годъ №№ 3—4 и 11—12.

Самыя дѣла найдены въ совершенномъ безпорядкѣ и безобразіи, разбросанными и неподобранными и производились не по установленной формѣ.

При составленіи иновѣрческихъ сугланов, или собраніи родоначальниковъ для трактованія дѣлъ, производимъ былъ сборъ на содержаніе оныхъ сугланов.

Пожарныхъ старостъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ вовсе не было, а въ другихъ хотя и были опредѣлены, но или по нерасторопности, или по небреженію, обязанность свою исполняли слабо, пожарныхъ инструментовъ заведено не было и жители не были росписаны, кто изъ нихъ и въ чемъ идти долженъ для помощи при пожарномъ случаѣ.

При многихъ сельскихъ и иновѣрческихъ начальникахъ найдены просители, проживающіе напрасно и по жалобамъ ихъ неудовлетворенными съ разстройствомъ семейственныхъ дѣлъ своихъ.

Поселянамъ, увольняемымъ какъ въ окрестныя и отдаленныя селенія, такъ и въ самые города для продажи и покупки съѣстныхъ припасовъ или для свозу по наймамъ купеческихъ кладей выдаваемы были отъ сельскихъ старшинъ простые письменные виды безъ всякихъ платныхъ пошлинъ[1]).

Для прекращенія всѣхъ сихъ безпорядковъ, сдѣлано слѣдующее распоряженіе:

1) Сельскіе и иновѣрческіе начальники должны завести шнуровыя книги для записыванія прихода денегъ, означая каждую статью особо, на что именно деньги собраны, съ какого числа душъ по сколько и на что употреблены; въ расходныхъ статьяхъ непремѣнно росписываться тому, кто деньги получаетъ.

2) Сборъ денегъ на всѣ вообще повинности производить не иначе, какъ по общественнымъ приговорамъ; въ противномъ случаѣ сельскіе или иновѣрческіе начальники подвержены будутъ суду.

3) Писари изъ ссыльныхъ и другихъ подозрительныхъ людей отъ всякаго участія въ дѣлахъ сельскихъ и иновѣрческихъ удалены и распредѣле-

---

[1]) См. о злоупотребленіяхъ волостного начальства въ Сибири выписку изъ положенія особаго комитета, образованнаго послѣ ревизіи Сперанскаго, отъ 5 октября 1821 г. Вагинъ, I, 643 сл.

ны по ихъ назначенію—вмѣсто того волостнымъ правленіямъ и иновѣрческимъ начальникахъ предоставлено избирать въ сіи должности на узаконенный срокъ изъ общественныхъ людей честнаго поведенія и знающихъ.

4) Въ производствѣ письменныхъ дѣлъ возстановленъ по всѣмъ селеніямъ и иновѣрческимъ стойбищамъ узаконенный порядокъ, и принаровленный, впрочемъ, ближе къ простому краткому образцу производства.

5) Сборъ на содержаніе сугановъ или собраній, или другія общественныя незаконныя надобности воспрещенъ и совершенно прекращенъ.

6) Во всякомъ селеніи избраны особенные пожарные старосты, заведены необходимые пожарные инструменты и самые старосты снабжены приличнымъ наставленіемъ, какъ исполнять имъ свою обязанность. Сверхъ того, сдѣланы росписанія, въ чемъ именно каждый сельскій житель долженъ идти по повѣсткѣ для помощи при пожарномъ случаѣ.

7) Всѣмъ сельскимъ и иновѣрческимъ начальникамъ строго подтверждено, чтобы они просителей не смѣли удерживать при себѣ болѣе одного или смотря по роду жалобы—двухъ и отнюдь уже не болѣе трехъ дней и удовлетворяли ихъ претензіи тотчасъ и безъ малѣйшаго промедленія, опасаясь въ противномъ случаѣ строгаго по законамъ взысканія.

8) Въ разсужденіи увольненія крестьянъ въ другія селенія, уѣзды или города, на основаніи извѣстныхъ узаконеній, постановлено правиломъ: а) тѣмъ поселянамъ, кои увольняются отъ своихъ мѣстъ въ окрестныя селенія и города, хотя и далѣе 30 верстъ, но единственно для распродажи собственныхъ ихъ продуктовъ и для покупки потребныхъ на собственное домашнее употребленіе вещей выдавать отъ волостныхъ начальствъ письменные виды съ означеніемъ именно въ оныхъ того, для какой надобности кто уволенъ и въ какое точно время долженъ до извѣстнаго мѣста токмо доѣхать и потомъ возвратиться въ домъ, а отнюдь не долѣе. в) увольняемымъ для работъ, промысловъ или извозовъ опредѣлять непремѣнно срокъ, какое время потребно ему въ отлучкѣ пробыть и потому вы-

давать уже плакатные пашпорты со взятьемъ годовыхъ въ казну пошлинъ неупустительно. Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ всѣхъ сихъ правилъ возложено на земскихъ чиновниковъ, которые при всякой отлучкѣ ихъ по дѣламъ въ уѣздъ удостовѣряются лично, всѣ ли оныя правила исполняются, а сверхъ сего, для сего же по временамъ и нечаянно командируются особые чиновники.

Соединеніе братскихъ кумирень подъ власть одного главнаго ламы.

Со временъ подданства бурятъ подъ Россійскую державу по ихъ собственнымъ древнимъ правамъ, подтвержденнымъ бывшимъ здѣсь въ 1782 г. для разграниченія земель между Россійскою и Китайскою имперіями полномочнымъ посломъ Иллирійскимъ графомъ Рагузинскимъ, управлялъ всѣми Забайкальскими братскими кумирнями одинъ главный лама въ званіи Бандиды Хамбы (ученѣйшій наставникъ и проповѣдникъ, первый духовный санъ у бурятъ).

Власть сего первосвященника существовала даже до 1783 года, съ котораго времени по происшедшему между имъ и другимъ главнымъ ламою, равнаго съ нимъ достоинства, и прочими ламами несогласію, поставлены двое главныхъ ламъ и кумирни раздѣлены поровну. Хотя сіе раздѣленіе кумирень и утвержденіе двухъ главныхъ, независимыхъ одинъ отъ другого ламъ, произведено было съ тою цѣлью, чтобы симъ прекратить происходившіе между ими и другими ламами несогласія; но послѣдствія доказали совсѣмъ тому противное, ибо съ утвержденія двухъ главныхъ ламъ возрастали и укоренялись не токмо между самими ими, но и между подчиненными ламами еще большія несогласія; безпрестанно продолжались споры о первенствѣ и присвоеніи непринадлежащихъ правъ и власти, отчего и самое уваженіе къ симъ духовнымъ отъ времени до времени уменьшалось и ослабѣвало.

Двое главныхъ ламъ произвели множество другихъ частныхъ ламъ и меньшей противъ сей степени, такъ называемыхъ ховараковъ, такъ что

противъ штатнаго положенія, въ 1774 году утвержденнаго, 150 ламъ, которые по тому же положенію избавлены были отъ платежа ясака—число оныхъ простиралось до 617 человѣкъ, которые также ясака не платили и которые однако же впослѣдствіи времени обложены ясакомъ; наконецъ, уже начали вступать въ губернское правительство просьбы объ утвержденіи одного главнаго ламы надъ всѣми забайкальскими кумирнями; но сіи просьбы заключали въ себѣ несогласіе однихъ противъ другихъ—одни просили утвердить главнымъ ламою своего, другіе оспаривая сіе право, просили утвердить другого. Споры сіи продолжались къ ощутительному для обѣихъ сторонъ разоренію—съ тяжбами сего рода неразлучному—болѣе 20 лѣтъ, и не могли быть прекращены съ самаго 1807 года. Дабы положить конецъ всѣмъ симъ тяжбамъ утвержденіемъ одного главнаго ламы Бандиды Хамбы—въ 1807 г. требовано отъ всѣхъ ламъ, иновѣрческихъ начальниковъ и самихъ бурятъ общее согласіе или выборъ, кого изъ двухъ главныхъ ламъ находятъ они достойнымъ быть надъ всѣми ими и кумирнями Бандидою Хамбою, отнюдь не выбирая двухъ главныхъ ламъ. Сіе предложеніе, наконецъ, принято было всѣми тайшами, или начальниками бурятскими, ламами и бурятами. Они единогласно избрали себѣ одного главнаго ламу званіемъ Бандиды Хамбы—и начальство здѣшнее, утвердивъ его въ семъ званіи, снабдило его надлежащею на оное привиллегіею, по которой долженъ онъ завѣдывать и управлять всѣми ламами и кумирнями, за Байкаломъ состоящими.

Симъ утвержденіемъ одного главнаго ламы прекращены совершенно несогласія, столько лѣтъ между ламами и бурятами продолжавшіяся и возстановлено внутреннее спокойствіе и порядокъ, существовавшіе между ими до раздѣленія кумирень[1]).

Нужно замѣтить, что ламаизмъ началъ распространяться среди бурятъ только въ 18 вѣкѣ. Еще Гмелинъ въ 1735 г. нашелъ ихъ грубыми шаманистами. Ламаизмъ при немъ насчитывалъ

[1]) Ср. Струве. Воспоминанія о Сибири. Русскій Вѣстникъ, 1888, апрѣль, стр. 167.

среди хоринскихъ (забайкальскихъ бурятъ) лишь немногихъ прозелитовъ[1]), а во времена Палласа буддизма уже придерживаются тайши и очень многіе зайсаны, т. е. почти вся родовая бурятская аристократія[2]); правда, большинство хоринскихъ бурятъ исповѣдывало еще шаманство. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше ламайская вѣтвь буддизма утверждалась среди бурятъ, такъ что въ началѣ XIX столѣтія шаманизмъ отошелъ уже на задній планъ[3]).

Въ 1764 г. для прекращенія зависимости бурятъ-буддистовъ отъ іерархіи зарубежной Монголіи правительствомъ назначенъ и обреченъ титуломъ „Бандидо Хамба—ламы“ ширетуй (настоятель) Цонгольскаго дацана (монастыря) лама Заяпинъ, получившій высшее буддійское образованіе въ Ихассѣ[4]).

Правительство создавало этимъ для буддизма новый центръ въ Сибири, оно стремилось предупредить тѣмъ вѣроятное выселеніе бурятъ въ Монголію, съ которой имъ приходилось входить во все болѣе тѣсныя сношенія, благодаря исповѣдуемой имъ религіи[5]).

Впрочемъ, въ религіозномъ отношеніи нужно различать бурятъ забайкальскихъ и иркутскихъ. Первые почти всѣ ламаисты, христіанскіе миссіонеры въ ихъ средѣ никакого успѣха не имѣли. Иркутскіе же буряты въ большинствѣ остались

---

[1]) „Въ дѣйствительности буряты являются язычниками... Но языкъ ихъ монгольскій. Поэтому монгольское духовенство можетъ сдѣлать среди нихъ многое вслѣдствіе совпаденія языка и время отъ времени они обращаютъ въ свою вѣру то того, то другого бурята. Новообращенные уже слывутъ у нихъ за православныхъ“. I. G. Gmelin. Reise durch Sibirien. I. Göttingen, 1751, 438.

[2]) „Большая часть бурятъ—еще грубые язычники и преданы своимъ шаманамъ; но ламайское духовенство, въ которомъ силенъ духъ прозелитизма, все шире распространяетъ среди братскихъ свое суевѣріе,—которое, по крайней мѣрѣ, связано съ нѣкоторыми нравственными представленіями, и среди нихъ есть уже гедэнль съ 27 простыми ламами или духовными лицами, а знатнѣйшіе зайсаны вмѣстѣ съ тайшей значительно склоняются уже къ ламаизму“. Pallas. Reisse durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichas, III, St-Petersburg 1776, 177—8.

[3]) Ср. І. М. Кроль. По кочевьямъ забайкальскихъ бурятъ Новое слово, 1897 г., февраль, 109 - 110.—Еще по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1741 г., оказалось, что большинство бурятъ предано шаманизму, а у буддистовъ было только 11 дацановъ и 150 ламъ. Шашковъ. Историческіе этюды, С.-ПБ., 1872, 226.

[4]) Ср. Б. Барадійна и Вл. Котвича о бурятахъ въ новомъ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, т. VIII, ст. 686.

[5]) С. С. Шашковъ. Историческіе этюды, С.-ПБ, 1872, 225.

вѣрны шаманству, около 40.000 присоединено, впрочемъ, къ христіанству, и только небольшая часть (около 12 тыс.) ламаисты[1]).

Уменьшеніе иновѣрческихъ родоначальниковъ и введеніе порядка въ управленіе.

Во многихъ бурятскихъ родахъ за Байкаломъ, особливо же въ Селенгинскѣ, при вступленіи моемъ въ управленіе губерніею засталъ я несогласія, тяжбы и ссоры, продолжавшіяся между ими безпрерывно нѣсколько лѣтъ. Все сіе происходило единственно отъ многоначалія, ибо въ оныхъ селенгинскихъ родахъ, коихъ считается 18, было нѣсколько главныхъ начальниковъ тайшей, равныхъ между собою, ихъ помощниковъ, множество шуленегъ и ихъ помощниковъ, зайсановъ, засуловъ и помощниковъ сихъ послѣднихъ, такъ что въ числѣ 7.114 душъ, въ оныхъ родахъ состоящихъ, было почти на половину однихъ токмо начальниковъ—каждый изъ нихъ домогался быть независимымъ, не повиновался высшимъ себя; притѣснялъ родовичей и сіи послѣдніе доходили, наконецъ, до того, что не въ состояніи уже были платить въ казну ясакъ, ибо должны были платить оный и за себя и за начальниковъ вдвое. Сверхъ того, и въ самомъ производствѣ обыкновенныхъ между иновѣрцами дѣлъ происходили чрезвычайныя медленности и упущенія, поелику каждый начальникъ имѣлъ у себя особую контору для письма, число коихъ можно было сказать безсчетно. Всѣ сіи безпорядки произошли единственно отъ того, что каждый изъ родоначальниковъ присвоивалъ себѣ начальство, на которое онъ не имѣлъ никакого права, а большая часть пользовалась онымъ по однимъ токмо видамъ земскихъ судовъ, коихъ они давать были не вправѣ.

Всѣ сіи безпорядки многоначалія, сопряженные съ чувствительнѣйшимъ отягощеніемъ для иновѣрцевъ; не могли быть прекращены иначе, какъ утвержденіемъ одного честныхъ правилъ

[1]) См. Л. Штернбергъ. Буряты въ сборникѣ «Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ». С.-ПБ. 1910, 604.

главнаго надъ всѣми родами начальника. Въ семъ предположеніи въ 1807 г. предоставлено было всѣмъ начальникамъ означенныхъ родовъ составить общій сугланъ, или согласіе, и выбрать для управленія ими одного достойнаго изъ родоначальниковъ въ званіе главнаго тайши всѣхъ родовъ, который бы имѣлъ у себя одного помощника и необходимое число частныхъ или родовыхъ начальниковъ, съ учрежденіемъ одной главной конторы для производства всѣхъ между ими дѣлъ. Предложеніе сіе принято всѣми единогласно и по общему согласію выбранъ одинъ главный тайша, добраго поведенія и расторопный, знающій не токмо говорить, но хорошо читать и писать по-русски, и учреждена одна контора.

Начальникъ оный по его поведенію, благоразумному управленію, считается здѣсь примѣрнымъ между всѣми прочими главными начальниками другихъ родовъ.

На семъ же самомъ основаніи постановленъ порядокъ въ выборѣ родоначальниковъ по всѣмъ прочимъ въ здѣшней губерніи обитающимъ иновѣрческимъ родамъ—чѣмъ совершенно прекращено многоначаліе и происходившіе отъ онаго споры, тяжбы, несогласія, отягощеніе и разореніе иновѣрцевъ.

Во главѣ каждаго бурятскаго рода стоялъ шуленга; во главѣ нѣсколькихъ родовъ—верховный шуленга, или тайша—наслѣдственный князь. Русская администрація утверждала всѣхъ этихъ начальниковъ, потому что они отвѣчали за порядокъ при собраніи податей; право же собирать дань предоставлено было самимъ бурятамъ. Съ переписи 1766 г. каждый шуленга носилъ вмѣсто диплома длинный кинжалъ черезъ плечо съ русскою надписью, получаемый имъ отъ губернскаго правленія. Тайши получали царскіе указы и обнародывавали ихъ своимъ подданнымъ[1]).

---

[1]) К. Риттеръ. Землевѣдѣніе Азіи. Восточная Сибирь, озеро Байкалъ и Прибайкальскія страны, забайкалье и степь Гоби. С. П. Б. 1879, 151.

Прекращеніе побѣга братскихъ женъ отъ мужей ихъ подъ видомъ принятія христіанской вѣры.

Иновѣрцы, здѣшнюю губернію населяющіе, исполняютъ въ точности древніе уставы и обычаи, по которымъ отцы или матери, выдающіе дочь свою въ замужество, при совершеніи по обряду ихъ свадьбы, получаютъ отъ новаго зятя въ пользу свою приданое, или такъ называемый калымъ, состоящій большею частію въ скотѣ, или деньгахъ, на сумму отъ 500 до 1000 руб. и менѣе, смотря по состоянію женящихся. Калымъ сей уже не возвращается мужу по смерти жены и ни въ какомъ другомъ случаѣ, развѣ по общему только согласію съ обѣихъ сторонъ въ случаѣ развода мужа съ женою.—Сіе установленіе въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ постоянно исполняемо было—какъ, наконецъ, вкралось въ оное слѣдующее злоупотребленіе: братскія жены въ случаѣ какого-либо несогласія съ мужамъ, строгаго съ ними обхожденія и подобныхъ причинъ, начали дѣлать побѣги отъ мужей своихъ подъ предлогомъ желанія принять грекороссійское исповѣданіе, ибо увѣрены были, что симъ способомъ избавятся отъ мужей своихъ, а духовенство здѣшнее, руководствуясь узаконеніями, на сей предметъ изданными, по которымъ велѣно иновѣрцевъ, желающихъ принять христіанскую вѣру, по надлежащему наставленію, крестить непремѣнно чрезъ три дни— исполняло желаніе братскихъ женъ. Такимъ образомъ, братскія жены, окрестясь, оставались между русскими и мужья ихъ не почитали себя въ правѣ требовать ихъ къ себѣ. Послѣдствіемъ сего было то, что оставленные женами мужья лишались отданнаго за ними калыму; дѣти ихъ оставались безъ всякаго призрѣнія, а вообще цѣлыя семейства отъ того разорялись—нерѣдко случалось, что отчаянные мужья лишали себя жизни.

Сколь ни часты и вредны были сіи послѣдствія, но со стороны прежняго начальства не было обращено на оныя никакого вниманія. Въ 1807 г. сдѣлано было къ прекращенію зла сего навсегда положеніе, при составленіи коего принято было основаніемъ съ одной стороны то, что по духовнымъ законоположеніямъ не токмо не воспрещено

обращать иновѣрцевъ въ христіанскую вѣру, лишь бы они дѣлали то не для избѣжанія какихъ важныхъ преступленій, но велѣно оказывать имъ всякое снисхожденіе и ласки и въ такихъ случаяхъ далѣе трехъ дней не продолжать; съ другой стороны, что по тѣмъ же самымъ законоположеніямъ ни въ какомъ случаѣ мужъ съ женою не долженъ быть разлучаемъ, хотя бы онъ былъ невѣрный, а она приняла святое крещеніе, или она невѣрна, а мужъ принялъ святое крещеніе.

На сихъ главныхъ основаніяхъ сдѣлано слѣдующее по сношенію съ духовнымъ начальствомъ распоряженіе.

1) Посредствомъ здѣшней полиціи всѣмъ иновѣрцамъ сдѣлано приличное внушеніе, что воспріятіе св. крещенія не токмо не возбраняется, но должно быть всѣми способами поощряемо. А какъ предметъ сей есть священнѣйшій и важнѣйшій для жизни человѣка: то приступая къ оному, непремѣнно должно наблюдать, во первыхъ, чтобы дѣйствовала въ семъ добрая воля каждаго и истинное желаніе; во вторыхъ, чтобы, принимая исповѣданіе христіанское, не расторгали безъ основательныхъ причинъ прежніе браки, не оставляли дѣтей безъ призрѣнія и не дѣлали побѣговъ женъ отъ мужей, или сіи отъ первыхъ. Въ противномъ же случаѣ удерживаемы будутъ отъ сего гражданскимъ судомъ и положенными законами наказаніемъ.

2) Тѣхъ иновѣрческихъ женъ, которыя до распоряженія сего бѣжали и окрестились, возвратить къ мужьямъ ихъ, ежели сіи послѣдніе на то согласятся, а въ противномъ случаѣ возвращенъ бы былъ мужьямъ калымъ, по собственному безпристрастному разбирательству иновѣрческихъ родоначальниковъ.

3) Иновѣрческимъ родоначальникамъ предписано наблюдать строго, чтобы желающіе креститься отнюдь не дѣлали побѣговъ, но объявляли о семъ сначала роднымъ, какъ то: дѣти отцамъ и матерямъ, а жены мужьямъ; сіи къ женамъ и напослѣдокъ шуленгамъ, или родоначальникамъ, не опасаясь никакого воспрещенія, за которое строго

взыскано будетъ съ воспрещающаго,—такъ, какъ за самовольный побѣгъ для крещенія съ того, кто учинитъ и не возвратится къ своему семейству.

4) Ежели причины, побуждающія иновѣрца креститься, происходятъ не отъ истиннаго желанія, но изъ послѣдствій неосновательнаго расположенія мужа къ женѣ или жены къ мужу, что отвратить хотя и не невозможно, но трудно, въ такомъ случаѣ иновѣрческимъ родоначальникамъ предоставлено по довольномъ увѣщеваніи мужа съ женою—ежели нельзя уже обратить ихъ къ согласію и совмѣстному житью—внушать имъ и наблюдать, чтобы они лучше порядкомъ, на доброй волѣ основанномъ, разошлись, удовлетворяя одинъ другого, чѣмъ слѣдуетъ, безъ семейственнаго разстройства.

Точное исполненіе всѣхъ сихъ правилъ возложено на земскихъ чиновниковъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщено духовному начальству, чтобы оно о исполненіи сихъ правилъ сдѣлало по своему вѣдомству надлежащія подтвержденія.

Дѣйствительнымъ послѣдствіемъ сего распорядка было то, что не токмо прекращены новые разводы и безпрестанные на то жалобы по начальству; но и разлучившіяся жены съ мужьями возвратились къ нимъ и чрезъ то возстановлено внутреннее между иновѣрцами благосостояніе".

Бракъ у бурятъ былъ сопряженъ съ уплатой женихомъ калыма отцу невѣсты. „Бурятъ,—говоритъ Гмелинъ,—отдаетъ замужъ свою дочь, подобно татарамъ, за извѣстное количество денегъ или скота. Отецъ выпускаетъ дочь изъ юрты не прежде, чѣмъ его зять уплатитъ ему послѣднюю копейку"[1]).

Мы должны, однако, замѣтить, что утвержденія Трескина относительно блестящихъ результатовъ его мѣропріятій совершенно не соотвѣтствуютъ дѣйствительности: явленіе, съ которымъ онъ

[1]) Reise, I, 397. Ср. статью Д. Стахѣева. Буряты въ «Живописной Россіи», т. XII, ч. I, С.-ПБ, 1895, 184.

боролся, отнюдь не исчезло. Вотъ что писалъ Астыревъ въ 1890 г.: „въ настоящее время весьма много крестится женъ, убѣгающихъ отъ мужей-язычниковъ; такія бѣглянки направляются прямо въ миссіонерскій станъ, гдѣ и воспринимаютъ святое крещеніе, послѣ чего нерѣдко тутъ и вѣнчаются съ новокрестившимися же бурятами, по заранѣе составленному уговору; иногда же возвращаются къ прежнему мужу-язычнику, для совмѣстной съ нимъ жизни, но имѣя теперь сильное противъ его деспотизма орудіе борьбы: возможность въ каждую данную минуту покинуть его домъ, въ качествѣ „крещеной", и нанести ему этимъ огромные матеріальные убытки, потерю уплаченнаго за жену калыма, который—правда—долженъ быть возвращенъ родственниками, но это случается лишь послѣ разорительныхъ тяжбъ"[1]).

Впрочемъ, бывали и обратныя явленія. По словамъ „отчета о состояніи и дѣятельности Иркутской духовной миссіи въ 1880 г." среди бурятъ нѣкоторые мужья „какъ только начинаютъ замѣчать въ своихъ женахъ стремленіе или намѣреніе къ побѣгу, или даже помимо этого, силою заставляютъ женъ ѣхать съ ними къ миссіонеру, чтобы креститься у него и затѣмъ повѣнчаться. Послѣ этого, они остаются въ увѣренности, что если жены ихъ и убѣгутъ, то гражданское начальство, по требованію духовной власти, принудитъ ихъ снова возвратиться къ нимъ на житье, что и случается иногда"[2]).

---

[1]) Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній. Иркутская губернія. Томъ II, вып. 2. Москва. 1890, 63.

Ср. его же «На таежныхъ прогалинахъ» И. 1891, 198—199.

[2]) Приведено у Н. В. Щеглова. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири. Иркутск., 1883, 660, прмч.

В. А. Ватинъ.

Крѣпостное право въ Енисейской губерніи въ XIX вѣкѣ.

Изъ дѣла Минусинскаго словеснаго суда о рекрутскомъ наборѣ 1841 г. мы извлекаемъ кое какія любопытныя данныя о крѣпостныхъ крестьянахъ Енисейской губерніи той эпохи.

Душъ, подлежащихъ рекрутской повинности, натурою числилось среди помѣщичьихъ крестьянъ Енисейской губерніи—90. Участковъ крестьянъ, обладающихъ на правѣ дворянскомъ, «числилось два», одинъ надворнаго совѣтника Ивана Григорьевича Родюкова, въ деревнѣ Пичиной Красноярскаго округа (63 души), другой—коллежскаго совѣтника Ивана Ивановича Коновалова, въ городѣ Красноярскѣ при домѣ его (27 душъ).

Кромѣ того, было 14 участковъ дворовыхъ людей, отправлявшихъ рекрутскую повинность деньгами, съ 81 душами, подлежащими рекрутской повинности. Въ томъ числѣ въ Красноярскомъ округѣ у статской совѣтницы Виноградовой 3 души, статской совѣтницы Галкиной—4 д., надворнаго совѣтника Дабелы—1 д., титулярной совѣтницы Жилиной—2 д., коллежской совѣтницы Коноваловской—2 д., статской совѣтницы Кисловской—3 д., подполковницы Каменщиковой—3 д., капитанши Мануиловой—3 д., надворной совѣтницы Мѣшковой—8 д., коллежской ассесорши Начапинсковой—1 д., коллежскаго ассесора Куртукова—2 д., коллежской ассесорши Немолотышевой—2 д., надворной совѣтницы Половодовой—1 д., штабъ-капитанши Тарховой—4 д., коллежской секретарши фонъ-Риттеръ—1 д., маіора Францева—3 д.

Въ Ачинскомъ округѣ у титулярнаго совѣтника Маллера—1 д., подпрапорщицы Самойловой—1 д., титулярной совѣтницы Ховриной—15 д., въ Енисейскомъ округѣ у надворнаго совѣтника Тарасова—3 души, въ Канскомъ округѣ у штабъ-ка-

питана Самойлова—10 д., у титулярной совѣтницы Шевелевой—5 д., и въ Минусинскомъ округѣ у надворнаго совѣтника Кугаевскаго—1 д., надворнаго совѣтника Дашевскаго—1 д., и у титулярной совѣтницы Темперовской—1 д.[1]).

Интересно сопоставить съ этими извлеченными изъ архивовъ свѣдѣніями данныя, сообщавшіяся уже въ печати. По свѣдѣніямъ, собраннымъ наканунѣ упраздненія крѣпостного права, въ Восточной Сибири было два имѣнія, населенныхъ крѣпостными людьми. Оба они находились въ Красноярскомъ округѣ Енисейской губерніи. Одно принадлежало предсѣдателю губернскаго правленія Родюкову и было населено 63 душами крестьянъ и 9 дворовыхъ мужескаго пола и 67 крестьянъ и 12 дворовыхъ женскаго. Второе имѣніе находилось на Знаменскомъ стекляномъ заводѣ и принадлежало коллежскому совѣтнику Коновалову. Въ немъ было 154 души мужескаго и 122 женскаго пола; изъ нихъ 71 душа обоего пола были приписаны къ дому помѣщика въ г. Красноярскѣ, 186 къ его имѣнію въ Новгородской губерніи, а 79 душъ къ Тверскому имѣнію помѣщицы Павловой, у которой крестьяне были куплены. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстностяхъ Восточной Сибири при владѣльцахъ жили 116 мужчинъ и 81 женщина дворовыхъ, приписанныхъ къ имѣніямъ различныхъ губерній Россіи[2]).—Какъ видимъ, оба населенныхъ крѣпостными крестьянами имѣнія, существованіе которыхъ мы констатировали въ 40-хъ годахъ, просуществовали вплоть до самаго упраздненія крѣпостного права. Но при сравненіи данныхъ 1841 г. съ цифрами 60-хъ годовъ бросается въ глаза рѣзкое увеличеніе числа крѣпостныхъ, принадлежащихъ Коновалову. Объясненіе этому мы находимъ у Михайлова. Оказывается, что Коноваловъ переселилъ своихъ крестьянъ изъ Россіи въ 1842 и 1843 г.г., самовольно и вопреки закону, уже послѣ извѣстныхъ указовъ, воспрещавшихъ переселеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ Сибирь на казенныя зем-

[1]) Дѣло Минусинскаго словеснаго суда № 597.

[2]) К. П. Михайловъ. Крѣпостничество въ Сибири (страницы изъ исторіи инородческой и крестьянской неволи). Сибирскій сборникъ, кн. I, СПБ, 1886, 118.

ли, отведенныя подъ хозяйственныя и промышленныя заведенія. Кромѣ того, Коноваловъ приписалъ къ своему заводу крѣпостныхъ людей, числившихся при его домѣ въ Красноярскѣ, вопреки Указу 1833 года о 8 й народной переписи, которымъ такая приписка была положительно воспрещена[1]). Тутъ передъ нами любопытный примѣръ того, какъ соблюдались распоряженія правительства его агентами.

[1]) Н., 118—119.

Обѣдъ у А. В. Бѣлоголоваго*).

(Изъ Иркутской старины).

Иду я торною дорогой,
Съ Заморской[1]) прямо по Большой;
Ворчитъ сердито деспотъ строгій—
Желудокъ тощій и пустой.

Къ домашней кухнѣ непривычный,
Какъ гастрономъ и гастрономъ,
Люблю я столъ всегда приличный,
Люблю бесѣду за столомъ.

Куда зайти—не зналъ я право:
Уѣхалъ Форсинъ[2])—чертъ хватилъ—
А угостилъ-бы онъ на славу,
И Толстяковскій[3]) укатилъ.

И даже Сказкина[4]) не стало—
Разсчетъ купецкій одолѣлъ;
Зайти мнѣ къ Хаму[5]) не пристало,
Теперь, навѣрно, пьянъ пострѣлъ.

Вотъ горе, думаю, случилось,
Теперь хоть съ голоду умри.
Смотрю, окошко отворилось,
Вашъ голосъ слышу: „отопри"!

Вы такъ привѣтно поклонились
И пригласили на обѣдъ.
Сейчасъ-же двери отворились
И просятъ прямо въ кабинетъ.

Ахъ, пудель, Боже мой, велите
Его отсюдово убрать;
Какъ смотритъ на меня, взгляните,
Ей Богу, можетъ искусать!

---

*) Изъ рукописнаго сборника С. И. Перетолчина.
[1]) Нынѣ Амурская улица.
[2]) Персинъ.
[3]) Вобановскій.
[4]) Басинъ.
[5]) Хаминовъ.

Скажите, все у васъ готово,
Какъ разъ къ обѣду подошелъ;
Ну, батенька, честное слово,
Вы настоящій хлѣбосолъ.

Какая нѣжная селедка
У васъ поставлена на столъ,
И померанцевая водка..
Ахъ, какъ я радъ, что къ вамъ зашелъ!

Какая стерлядь, просто чудо,
Я чуть языкъ не проглотилъ,
По правдѣ, лакомое блюдо...
Вотъ такъ ухою угостилъ!

Какъ это мило: сковородка
И караси съ огня сейчасъ!
Да это, истинно, находка,
Обѣдъ, ей—ей, хорошъ у васъ...

Шато-д'икемъ какой отличный,
Какое мягкое вино!
Ахъ, Мокка!... Да, ароматный,
Такого не пивалъ давно...

Сигары—прелесть! О, Гаванна!
Какая Божья благодать!
Вѣдь это не табакъ, а манна...
Позвольте парочку мнѣ взять!

Благодарю за угощенье,
Авдѣй Васильичъ[6]) дорогой,
Пора вамъ дать отдохновенье,
И я отправлюсь на покой.

А вечеркомъ хочу заняться,—
Вотъ эту рукопись прочесть;
Въ архивѣ взялъ ее, признаться,
Тамъ интересныхъ много есть.

Хочу для Гумбольдта я нынѣ
Статью о тиграхъ написать,
Теперь онъ, кажется, въ Берлинѣ,
Просилъ туда ее послать.

Да времени-то нынче мало,
Съ оранжереей хлопоталъ,
Тепломъ попахивать ужъ стало
И Вагнеръ новостей послалъ.

[6]) Андрей Васильевичъ Бѣлоголовый.

На дняхъ у графа[7]) соберемся,
Обѣдъ изволитъ онъ давать;
Когда-то графа мы дождемся,
Опять онъ хочетъ уѣзжать.

Но право, я заговорился,
Позвольте-жъ васъ благодарить,
Ахъ, пудель у воротъ явился,
Меня велите проводить!

22 сентября 1862 года.

Сообщилъ **Н. Романовъ.**

[7]) У графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго.

А. Пруссакъ.

Описаніе рукописей XVII—XVIII вѣковъ, хранящихся въ Иркутскомъ музеѣ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Рукописный отдѣлъ музея Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества обладаетъ значительнымъ количествомъ цѣннаго матеріала за 17 и 18 вѣка, могущаго заполнить многія бѣлыя страницы исторіи Восточной Сибири. За 17 в. сохранилось довольно много грамотъ и таможенныя книги, за 18 в.— документы, касающіеся, главнымъ образомъ, Иркутска, Балаганска (особенно любопытны о землевладѣніи), сборники, лѣтопись.

Моя работа по описанію рукописей распадется на три главы. Въ первой я дамъ перечень грамотъ 17 в., при чемъ нѣсколько подробнѣе остановлюсь на незатронутыхъ въ извѣстномъ трудѣ А. Іонина[1]); во второй—дамъ подробный историческій и языковой анализъ наиболѣе интересныхъ грамотъ, равно какъ и таможенныхъ книгъ; въ третьей—дамъ краткое изложеніе содержанія наиболѣе интересныхъ памятниковъ 18 в.

ГЛАВА I.

Въ рукописномъ отдѣлѣ музея Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ настоящее время хранится 413 грамотъ второй половины 17 вѣка. Часть ихъ уже описана А. Іонинымъ[1]); такъ, имъ кратко изложено содержаніе 111 грамотъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ даже напечатаны имъ цѣликомъ въ приложеніяхъ къ его вышеупомянутому труду; въ разсмотрѣнныхъ Іонинымъ свиткахъ имѣется еще 139

[1]) А. Іонинъ. Новыя данныя къ исторіи Восточной Сибири XVII вѣка (г. Иркутска, Иркутскаго Вознесенскаго монастыря, Якутской области и Забайкалья).

[1]) А. Іонинъ, op. cit.

грамотъ, не отмѣченныхъ имъ. Кромѣ того, мною найдено 5 свитковъ съ 163 грамотами, лежавшихъ не въ рукописномъ отдѣлѣ, а въ нижнихъ отдѣленіяхъ различныхъ шкаповъ музея. Въ этихъ свиткахъ заключаются 34 дѣла перваго Иркутскаго воеводы Власова, 6 Иркутскаго воеводы Гагарина, 15 Иркутскаго приказчика Перфильева, 55 Якутскаго воеводы Барятинскаго, 53 Якутскаго воеводы Зиновьева.

Всѣ грамоты, за исключеніемъ относящихся ко времени Якутскихъ воеводъ Кровкова и Зиновьева, сохранились до нашихъ дней хорошо. Написаны скорописью—Московскій шаблонъ 17 вѣка; діалектическая окраска довольно слаба. Эти грамоты охватываютъ годы съ 1654 по 1700 и относятся ко времени правленія Иркутскихъ и Якутскихъ воеводъ: Арсеньева, Барятинскго, Власова, Волконскаго, Гагарина, Глѣбова, Голенищева-Кутузова, Головина, Зиновьева, Кровкова, Лодыженскаго, Никалева, Поптева, Приклонскаго, Траунихта, Филатова, Францбекова и приказчика Иркутска Перфильева.

Иванъ Федоровичъ Никалевъ.

г. Иркутскъ.

1699—1701 г.

Всего 82 грамоты; №№ 60 (7, стр. 73; 10, стр. 93)[1]), 61 (12, стр. 73), 62 (11, стр. 73), 63, 65, 66 (40, 41, стр. 74), 67, 150 (2, 3, стр. 73), 151 (4, 5, стр. 73), 152 (6, стр. 73), 153 (8, 9, 10, стр. 73), 154 (13, стр. 73), 155 (14, стр. 73), 156 (15, стр. 73), 157, 158, 159, 160 (20, стр. 74), 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179 (25, стр. 74), 180, 181, 182, 183 (30,

[1]) Въ скобкахъ я отмѣчаю номеръ, подъ какимъ значится данная грамота въ вышеуказанномъ трудѣ Іонина, а затѣмъ страницу, на которой о ней упоминается. Грамоты, относящихся ко времени воеводства въ Иркутскѣ Никалева, кромѣ 35 указанныхъ Іонинымъ, и 47 нижеименованныхъ мною извѣстно еще 2; грамоты эти слѣдующіе: 2 отписки Иркутскому воеводѣ Ив. Никалеву Андрея Бейтона съ препровожденіемъ подданныхъ ему въ Удинской приказной избѣ челобитныхъ: священника Удинской Спасской церкви, пятидесятника и рядовыхъ стрѣльцовъ о недодачѣ имъ хлѣбнаго жалованья (Акты, относ. до юридич. быта древней Россіи; т. 2, стр. 630); царская грамота Иркутскому воеводѣ Ив. Никалеву о введеніи въ употребленіе гербовой бумаги (Акты историческіе; т. V, стр. 535).

стр. 74; 11, стр 94), 184, 185, 186. (33 стр, 74), 187, 188, 191, 202, 203, 204, 205, 206, 207 (45, стр. 74; 9, стр. 92), 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234 (74, стр. 74), 235 (75, стр. 74; 8, стр. 90), 236 (76, стр. 74), 237 (77, стр. 74), 238 (78, стр. 74), 239 (79, стр. 74), 240 (80, 81, стр. 74), 241, 242 (85, стр. 75), 243 (83, стр. 74), 244 (84, стр. 75), 245 (86, стр. 75), 246 (87, стр. 75), 247 (88, стр. 75; 12, стр. 96), 248 (89, стр. 75), 249 (90, стр. 75), 250 (91, стр. 75), 251 (92, стр. 75), 252 (1, стр. 72), 253 (93. стр. 75).

По своему содержанію грамоты могутъ быть разбиты на нѣсколько группъ.

Извѣщеніе о полученіи Государевыхъ грамотъ.

Извѣщеніе о полученіи за печатями грамотъ отъ Государя въ Иркутскѣ—двухъ, въ Нерчинскѣ—одной (№ 191).

Дѣла о количествѣ стрѣльцовъ, оружія и боевыхъ запасовъ по острогамъ и городамъ.

Иркутскъ. Отчетная память стольника и воеводы Никалева при пріемѣ имъ города Иркутска (№ 207); роспись „полковымъ стрѣльцомъ, кои въ Иркутскѣ налицо“: 1 пятидесятникъ, 40 рядовыхъ (№ 173). Удинскъ. „Роспись Удинскимъ полковымъ стрѣльцомъ, которые пришли изъ Удинска въ Иркутскъ по хлѣбные запасы“,—1 пятидесятникъ, 40 рядовыхъ (№ 171); отписки стрѣлецкаго и казачьяго головы Андрея Афанасьевича Бейтона: извѣщеніе о полученіи „для обереги отъ мунгаловъ“ небольшой мѣдной пищали (№ 232), извѣщеніе о прибытіи бронныхъ мастеровъ Московской оружейной палаты для починки оружія; приказано платить имъ кормовыхъ по 8 денегъ на день человѣку (№№ 205, 243); всего было заплочено 1 р. 65 денегъ (№ 243); дано для починки 29 стволинъ съ замками, 15 стволинъ безъ замковъ, 7 пищалей съ жаграми (№ 206), для чего изъ Иркутска прислано 10 пудовъ 2 чети желѣза, 12 фунтовъ укладу и „кузнечныя снасти“,—мѣхи, наковальня, 4 клещей, 2 молота, кругъ точильный „что пищали вертятъ“, 3 долота, 2 терпуга, 1 жигало, 1 трубка

шурупная (№ 185). Бѣльскъ. Извѣщеніе изъ Иркутска приказному конному казаку Григорью Иванову Богданову о посылкѣ „для обереженія отъ прихода мунгальскихъ людей“ мѣдной пищали, 2 пищалей малыхъ желѣзныхъ, зелейной казны.—полпуда пороху и 50 ядеръ (№№ 232, 233) и 3 пушекъ, 5 пищалей въ ложахъ (№ 165). Нерчинскъ. Отписка о прибытіи бронныхъ мастеровъ для починки имѣющагося тамъ оружія (№ 185).

Дѣла о сношеніяхъ съ китайцами и монголами.

Извѣщеніе изъ Удинска, что на рѣкѣ Карѣ собираются мунгальскіе тайши „для совѣта“ и просьба прислать въ Удинскъ подкрѣпленіе (№ 159); приказы о выдачѣ бѣжавшихъ въ Россію преступниковъ—„людей китайскаго богдыхана“ (№№ 65, 188, 230, 231), т. к. „отъ такихъ перебѣщиковъ Великому Государю прибыли никакой нѣтъ: когда они своимъ природнымъ владѣльцамъ измѣнили, гдѣ они родилися, и вѣра и языкъ былъ одинъ, и они русскимъ людямъ, котораго языка и вѣры не знаютъ, какъ могутъ вѣрны быть“ (№ 231), при условіи выдачи, взамѣнъ китайцевъ, бѣжавшихъ въ Китай русскихъ (№ 188); переписка по поводу кражи лошадей монголами и у монголовъ (№№ 188, 229, 230, 246, 253).

Назначенія новыхъ должностныхъ лицъ.

Въ Селенгинскъ на мѣсто прежняго приказнаго сына боярскаго Андрея Савелова Москвитина назначенъ былъ боярскій Петръ Парамоновичъ Киргизъ; въ его пріемной росписи значится, что въ Селенгинскѣ имѣется запасной государевой казны для раздачи жалованья служилымъ людямъ холста 3129 арш. по 2 деньги аршинъ и 79 арш. по 10 денегъ аршинъ: при провѣркѣ оказался недомѣръ въ 781 арш. 14 вершковъ (№ 170); приказному Ильинскаго острога Верхоленскому сыну боярскому Андрею Ивановичу Главинскому приказано „вѣдать судомъ и расправою“ деревней Трясковой, имѣвшей ранѣе своего собственнаго прикащика (№ 235).

Дѣла по выдачѣ государева жалованья.

Иркутскъ. Память таможенному и заставному головѣ Василью Иванову Курлакову о выдачѣ къ празднику Рождества Христова жалованья Иркутскимъ служилымъ людямъ—3 ведеръ вина Енисейской посылки (№ 61); память о невыдачѣ Иркутскимъ ружникамъ и мельнику денежнаго, хлѣбнаго и соляного жалованья; мельнику разрѣшается вмѣсто жалованья брать полопаточное—по лопатѣ съ мѣшка вѣсомъ въ 4 пуда (№ 60). Красноярскъ. Посылочная грамота Красноярскому воеводѣ Мусину-Пушкину о посылкѣ изъ Иркутска въ Красноярскъ 200 рублей на денежное жалованье тамошнимъ служилымъ людямъ (№ 248). Верхоленскъ. Память въ Верхоленскій острогъ приказному Иркутскому сыну боярскому Остафью Иванову Перфильеву о выдачѣ, согласно прошенію, денежнаго жалованья казачьему десятнику; всего ему слѣдуетъ получить 7 рублей (№ 64). Удинскъ. Приказъ стрѣлецкому и казачьему головѣ Андрею Афанасьевичу Бейтону о выдачѣ 42 служилымъ людямъ жалованья послѣ Семенова дня (№ 236) и извѣщеніе о посылкѣ изъ Иркутска причитающагося имъ жалованья (№ 155) въ размѣрѣ,—пятидесятнику 5 р. съ полтиною, рядовымъ по 5 р. въ годъ (№ 175); извѣщеніе о присылкѣ вина Тобольской посылки (№ 157) для раздачи служилымъ людямъ и ковша для мѣры выдаваемаго вина; всего вина прислано 8 ведеръ съ четью 15 ковшей (№ 187); извѣщеніе о присылкѣ холста Московской посылки (№ 225) на жалованье служилымъ людямъ: 8925 арш. по 2 алтына за аршинъ, всего на сумму 535 р. 60 алтынъ 4 деньги, и 1290 арш. по 2 деньги за аршинъ, всего на сумму 64 р. 16 алтынъ 4 деньги; въ присланномъ холстѣ оказалось 320 съ половиной аршинъ недомѣру, что и приказано взыскать съ пріемщиковъ „безовсякой поноровки“ (№ 177); челобитная казаковъ и стрѣльцовъ, бывшихъ „въ посылкахъ“, о выдачѣ имъ причитающагося жалованья (№№ 172, 174). Селенгинскъ. Извѣщеніе приказному Иркутскому сыну боярскому Андрею Савелову Москвитину о посылкѣ изъ Иркутска на жалованье 152 служилымъ людямъ 8925

арш. холста цѣною 2 арш. по алтыну, всего на сумму 535 р. 16 алтынъ 4 деньги, и 1109 арш. цѣною по 10 денегъ за аршинъ, всего на сумму 55 руб. 16 алтынъ 4 деньги (№№ 63, 240); присланнаго холста на раздачу жалованья не хватило, почему и „было давано въ полы оклада", всего холста было не додано на 554 р. 4 алтына полу четверты деньги; изъ Иркутска еще было послано холста на 591 р.; послѣ выдачи жалованья холста осталось на сумму 36 р. 28 алтынъ 5 денегъ (№ 179); извѣщеніе о присылкѣ на жалованье служилымъ людямъ вина Енисейской посылки—9 ведеръ 48 чарокъ, и приказъ—давать вина по ковшу на человѣка на праздники Рождества Христова, Пасхи и Петрова дня (№ 162); челобитная служилыхъ людей о выдачѣ имъ жалованья деньгами впередъ на 1701 годъ, т. к. на 1700 г. жалованье было имъ выдано холстами „и тою дачу мы, холопи твои, и съ домишками своими на лопотишко и рубашенки издержали" (№ 239); приказъ о невыдачѣ жалованья старцамъ Троицкаго монастыря и о разрѣшеніи имъ питаться мірскимъ подаяніемъ (№ 60). Нерчинскъ. Приказъ о додачѣ служилымъ людямъ недоданнаго жалованья матеріями: камкой цѣною 1 арш. по 8 р съ полтиною, 6 р. съ полтиною. 5 р., атласомъ по 5 р. за аршинъ, тюневой китайкой въ два портища по 2 алтына за аршинъ (№ 245). Ильинскій острогъ. Извѣщеніе приказному Верхоленскому сыну боярскому Ивану Андрееву Главинскому о посылкѣ отъ Иркутска на жалованье служилымъ людямъ холста 841 арш. съ четью по 2 алтына за аршинъ, всего на сумму 50 р. 10 алт. 4 деньги, и 1 ведра вина (№ 163). Кабанскій острогъ. Извѣщеніе приказному Селенгинскому сыну боярскому Степану Прокофьевичу Казику о посылкѣ изъ Иркутска на жалованье служилымъ людямъ холста—899 арш. 2 чети по 2 алтына за аршинъ и 1 ведра вина (№ 178).

Дѣла о крестьянахъ.

Память казаку Ивану Орюку: ѣхать въ деревни и слободы: Смоленскую, Кудинскую, Хомутовскую, Талькинскую, Оекскую, Урковскую для сбора

денегъ съ чети десятины по гривнѣ на постройку новой таможенной избы; собранныя деньги слѣдуетъ отдать въ Иркутскую приказную избу (№ 204); недоимочная роспись по сбору денегъ на постройку новой таможенной избы съ слободъ и деревень: Смоленской—съ $9^{3}/_{4}$ десятины не добрано 32 алтына, съ Кудинской и Карлуцкой съ $13^{11}/_{16}$ десятины собрано 4 руб. 15 денегъ, не добрано—1 р., „да съ 4 оброчниковъ 13 отводъ"; Талькинской съ $7^{13}/_{16}$ десятины собрано 2 р. 18 денегъ, недобрано 18 алтынъ; съ Уриковской съ $8^{1}/_{16}$ десятины собрано 2 р. 16 денегъ, недобрано 24 деньги и съ оброчниковъ 15 алтынъ; Оекской съ 13 оброчниковъ собранъ 1 р; съ Бѣльска и Срѣтенской слободы съ $9^{7}/_{8}$ десятины недобрано 3 р. 31 денегъ, да съ оброчниковъ 7 человѣкъ недобрано 23 деньги; всего собрано 9 р. 20 денегъ (66); приказъ пашеннымъ крестьянамъ доставить для виннаго куренья съ Индинскаго острога 30 п. ржи (№ 165); съ Оекской слободы 117 п. ржи № 166); приказъ о переселеніи ряда крестьянъ въ Забайкалье (№№ 181, 241); оповѣщеніе въ Забайкальскіе остроги, что изъ Красноярска бѣжали многіе пашенные крестьяне въ Забайкалье, покинув государеву десятинную пашню и не заплатя доимокъ"; бѣглыхъ, уже обзаведшихся домами и хозяйствомъ, приказано оставить на занятыхъ ими мѣстахъ, неустроившихся же отослать въ Иркутскъ. (№ 237).

Дѣла о холопахъ.

Приказъ о розыскѣ бѣжавшихъ изъ Тунки новокрещеныхъ холоповъ „мунгальской породы" (№ 253).

Дѣла о ссыльныхъ.

Отписка изъ Красноярска въ Иркутскъ о сыскѣ бѣглыхъ ссыльныхъ (№ 241); именная роспись шести ссыльнымъ, присланнымъ изъ Енисейска въ Иркутскъ; приказъ отправить ихъ изъ Иркутска въ Нерчинскъ; и извѣщеніе о бѣгствѣ ссыльныхъ во время пути (№ 242); приказъ искать по деревнямъ и слободамъ Иркутскаго присуда бѣглыхъ ссыльныхъ (№ 169); роспись найденнымъ бѣглымъ; всего найдено: въ Индинскомъ острогѣ—3, въ Олон-

кахъ—2, Усольѣ—5, Кудѣ—1, Хомутовкѣ—1, Иркутскомъ Вознесенскомъ монастырѣ—1, за Байкаломъ—2, неразысканными остались 5 (№ 169); приказъ о непропускѣ въ Забайкалье ссыльныхъ, бѣглыхъ, битыхъ и "пятнаныхъ" людей (№ 182).

Дѣла о ясачныхъ.

Извѣщеніе о полученіи ясачной казны изъ Селенгинска (№№ 188, 228); извѣщеніе о посылкѣ подарочной казны ясачнымъ въ Верхоленскъ—20 арш. краснаго сукна, 32 фун. олова въ блюдахъ (№ 152), и въ Баргузинъ,—12 арш. краснаго сукна, 20 ф. олова, 3 котла зеленой мѣди, вѣсомъ въ 14 ф., полтора пуда топленаго говяжьяго жира, 8 кафтановъ, обшитыхъ кружевомъ, желѣзныхъ гвоздей; передъ раздачей подарковъ слѣдуетъ сказать милостивое государево слово (№ 252); приказъ объ отпускѣ на поруки аманатовъ, содержащихся въ Удинскѣ (№ 202) и Селенгинскѣ (№№ 188, 226); извѣщеніе изъ Селенгинска, что ясачные буряты и тунгусы отъ Селенгинска откочевали къ Удинску, „боясь воровскихъ людей" (№ 228); челобитная бурятъ, кочующихъ по р. Селенгѣ въ Ивотинскихъ и Оргонскихъ степяхъ, что на нихъ „накочевываютъ" Нерчинскіе буряты, ушедшіе со своей „породной" земли по р. Удѣ, „всячески тѣснятъ и скотъ отгоняютъ" (№ 231); приказъ Нерчинскимъ бурятамъ—откочевать на свою „породную" землю (№ 330.)

Внутреннія дѣла городовъ.

Иркутскъ. Сдача на отпускъ прорубнаго промысла на годъ за 4 р. (№ 153); роспись оброку, взимаемому съ лавокъ (№ 186). Верхоленскъ. Выборъ цѣловальника для сбора таможенныхъ пошлинъ (№ 151). Удинскъ. Выборъ цѣловальника для сбора таможенныхъ пошлинъ и десятиннаго желѣза (№ 151).

Судебныя дѣла, жалобы.

О неправильномъ верстаніи въ чины бывшимъ

Замѣтки.

Памяти Буцинскаго. Недавно скончался бывшій профессоръ Харьковскаго университета Буцинскій. Покойному принадлежитъ рядъ работъ по исторіи Сибири. Написанныя на основаніи изученія архивовъ, онѣ всегда обогащали науку новымъ интересныхъ матеріаломъ. Разработка послѣдняго, правда, оставляла желать многаго, выводы автора не были достаточно продуманы. (См. объ этомъ нашу работу „Минусинскій край въ XVIII вѣкѣ“, Минусинскъ, 1913, 95—7, прмч.).

Главный трудъ Буцинскаго по исторіи Сибири—это его докторская диссертація „Заселеніе Сибири и бытъ ея первыхъ насельниковъ“, Харьковъ, 1889[1]). На основаніи обширнаго архивнаго матеріала авторъ рисуетъ картину экономической и духовной жизни первыхъ насельниковъ края. Кромѣ того, перу Буцинскаго принадлежатъ работы о Мангазеѣ, о распространеніи христіанства у сибирскихъ инородцевъ, рецензія на книгу Барсукова о Муравьевѣ-Амурскомъ.

Молодая наука исторіи Сибири не богата работниками, и лепта, вложенная въ сокровищницу сибирской исторіографіи покойнымъ ученымъ, оставитъ въ ней свой слѣдъ. **В. В.**

Михаилъ Андреевичъ Зензиновъ. Прошло 40 лѣтъ со дня смерти натуралиста М. А. Зензинова, но память о немъ, какъ докторѣ, до сихъ поръ жива среди Нерчинско-заводскаго населенія. Старики говорятъ, что докторъ Зензиновъ всякія болѣзни „зналъ и умѣлъ лѣчить“.

По словамъ воспитанника его Ф. И. Новгорова, М. А. Зензиновъ успѣшно лѣчилъ лишаи, кровавый поносъ, чахотку, собачье бѣшенство и даже ракъ. Интересно отмѣтить, ракъ Зензиновъ лѣчилъ экстрактомъ изъ зеленыхъ кузнечиковъ, которыхъ много водится около Нерчинска. Наружный ракъ

---

[1]) Разборъ этой книги былъ сдѣланъ покойнымъ Пыпинымъ въ «Вѣстникѣ Европы». См. также его Исторію русской этнографіи, СПБ, 1892.

лѣчился простой примочкой экстракта, и при этомъ лѣченіи никогда не приходилось прибѣгать къ операціямъ.

Нерчинскіе врачи Михайловскій и Сабашниковъ не только не препятствовали Зензинову въ лѣченіи больныхъ, но даже поощряли и иногда обращались къ нему съ просьбами открыть, если не имъ, то воспитаннику Новгородову, секретъ врачеванія нѣкоторыхъ болѣзней. На это Зензиновъ обычно отвѣчалъ, что рано еще открывать, но такъ и умеръ, унеся въ могилу тайну состава нѣсколькихъ хорошихъ средствъ при такихъ тяжкихъ страданіяхъ, какъ чахотка, ракъ и др.

Лѣчилъ Зензиновъ всѣхъ безплатно, и цѣлыя вереницы больныхъ ждали очереди пріема. Никому не было отказа въ помощи.

У Михаила Андреевича было много предметовъ исторической и доисторической этнографіи, много рукописей и собственныхъ записокъ, касающихся перелета птицъ, вскрытія и замерзанія рѣкъ, перваго появленія травъ и т. п. Лѣтомъ онъ собиралъ бабочекъ, жуковъ, мухъ, мѣстныхъ рыбъ, змѣй и ящерицъ. Кромѣ того, М. А. имѣлъ богатѣйшую дендрологическую коллекцію мѣстныхъ, китайскихъ и монгольскихъ породъ.

Въ своемъ саду Зензиновъ старался культивировать такія растенія, какихъ не встрѣчается въ Нерчинскомъ краѣ. Случалось, растенія погибали, но это не останавливало Михаила Андреевича опять доставать сѣмена и вновь производить опыты.

Зензиновъ зналъ въ совершенствѣ бурятскій, монгольскій и тибетскій языки; на нихъ онъ свободно говорилъ, писалъ и читалъ книги.

М. А. Зензиновъ умеръ въ 1873 году, оставивъ послѣ себя только 7 рублей денегъ. Жена его, Марія Михайловна, была страшно поражена утратой близкаго человѣка, вслѣдствіе чего потеряла интересъ къ жизни и равнодушно относилась ко всему, что такъ любовно и ревниво копилъ Михаилъ Андреевичъ. Коллекціи очутились въ амбарахъ полиціи и городского управленія.

Въ 1878 году кто-то распорядился Нерчинскіе архивы, а попутно и Зензиновскія коллекціи вы-

везти на берегъ р. Нерчи и свалить здѣсь въ кучи, какъ сваливаютъ всякій хламъ, никому не нужный.

Изъ минералогической коллекціи кое-что уцѣлѣло и это послужило основой для Нерчинскаго музея, организованнаго А. К. Кузнецовымъ въ 1886 году.

По случайно сохранившемуся каталогу можно сказать, что въ карпологической коллекціи Зензинова было свыше 1000 разныхъ сѣмянъ.

М. Овчинниковъ.

Библіотека И. П. Кузнецова—Красноярскаго. Вся библіотека недавно скончавшагося извѣстнаго изслѣдователя Сибири и сотрудника „Сиб. Лѣтописи" И. П. Кузнецова—Красноярскаго пріобрѣтена въ настоящее время Минусинскимъ Мартьяновскимъ музеемъ. Богатый отдѣлъ „Sibirica" музея теперь пополнится многими весьма цѣнными изданіями, имѣвшимися у покойнаго Иннокентія Петровича.

Можно порадоваться, что рѣдкая по подбору изданій библіотека перешла въ надежныя руки. Несомнѣнно, что пріобрѣтеніе библіотеки—одна изъ крупныхъ заслугъ хранителя музея—Н. И. Тропина.

И. Ч.

6-й годъ изданія.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Сибирская Лѣтопись

на 1917 годъ.

Журналъ посвященъ вопросамъ исторіи, археологіи, географіи, этнографіи, культуры и общественности Сибири, Средней Азіи и Дальняго Востока.

Подписная плата: на годъ—6 рублей. на полгода—3 руб. на 1 мѣс.—50 коп.

ПОДПИСКА НАПРАВЛЯЕТСЯ ПО АДРЕСУ:

г. Иркутскъ. Директору Учительскаго Института Александру Ивановичу Линькову.

Полные комплекты журнала за 1912 годъ (994 стр.) высылаются за 14 рублей, за 1913, 1914, 1915 и 1916 годы—по 8 рублей.

Пріемъ у редактора по вторникамъ. **Телефонъ редакціи № 1360.**

Редакторъ-издатель А. И. Линьковъ.